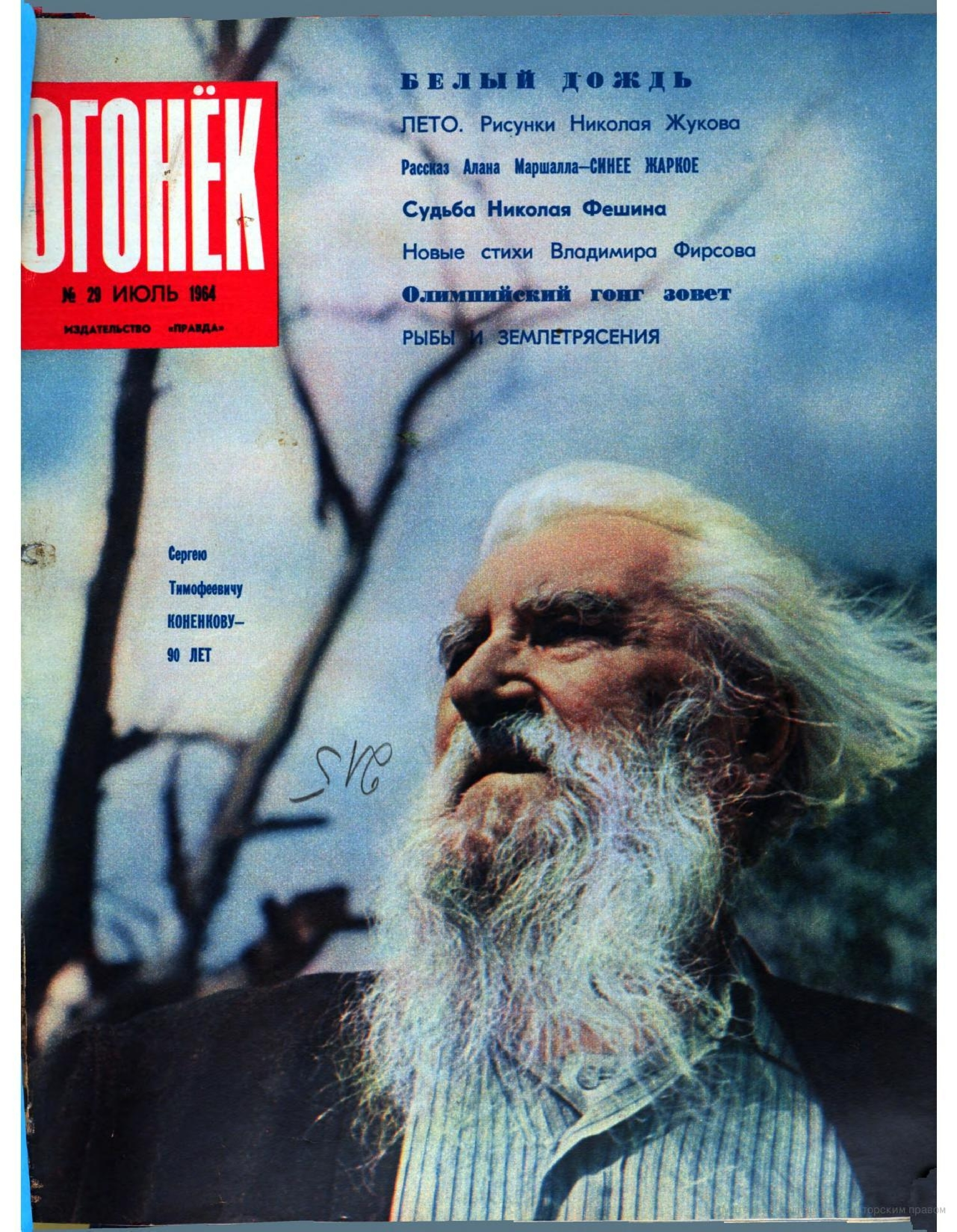
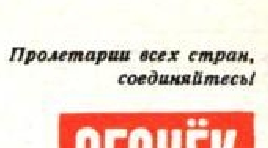

ОГОНЁК
№ 29 ИЮЛЬ 1964
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
БЕЛЫЙ ДОЖДЬ
ЛЕТО. Рисунки Николая Жукова
Рассказ Алана Маршалла—СИНЕЕ ЖАРКОЕ
Судьба Николая Фешина
Новые стихи Владимира Фирсова
Олимпийский гонг зовет
РЫБЫ И ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ
Сергею
Тимофеевичу
КОНЕНКОВУ—
90 ЛЕТ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

№ 29 (1925)

12 ИЮЛЯ 1964

Солнце жатвы

Уходят в море
капитаны жаток,—
Знакомые,
все молодые лица:
На скулах пыль,
и зубы крепко сжаты,
И обгорели на ветру
ресницы;
И жжет их солнце страдное
нещадно.
А степь гудит
от яростного пыла;
Широк захват,
и мотовила жадны!
Глотают хлопцы воздух
неостылый...

Течет зерно,
течет к родным причалам
Прибоем солнечным,
рекой неслышной.
Я знаю —
это только лишь начало,
А солнце жатвы
выше все и выше!

И снова день.
Штурвалы крепко сжаты.
Ножи поют
без устали и жадно.
...Уходят в море
капитаны жаток,
И жжет их солнце страдное
нещадно.

Николай БЫКОВ

Хлебная степь колхоза имени Тельмана (см. репортаж «Белый дождь»). Парторг колхоза Р. Б. Хайбуллин (слева) и председатель В. Г. Церцек.

Фото А. Гостева.

На Белорусском вокзале москвичи тепло и сердечно встретили главу Советского правительства Никиту Сергеевича Хрущева.

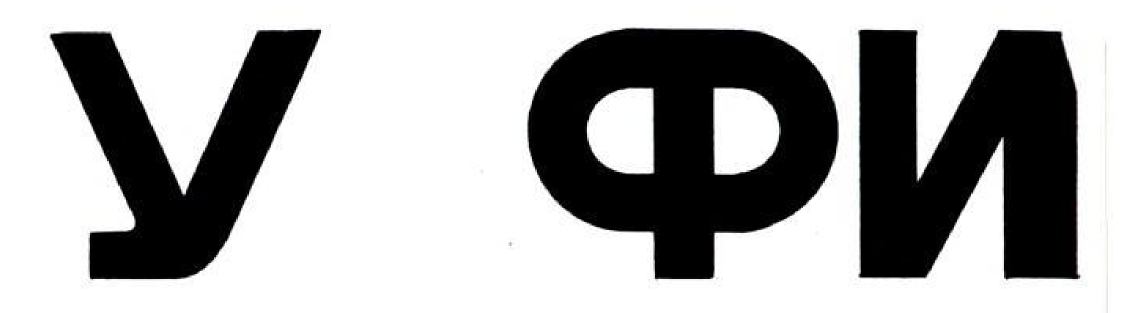
Фото Я. Рюмкина.

6 июля в Москву возвратился Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев, совершивший официальный визит в страны Скандинавии — Данию, Швецию и Норвегию. В выступлении по Московскому радио и телевидению об этой поездке товарищ Н. С. Хрущев сказал:

ПЛОДОТВОРНЫЙ ВИЗИТ ЗАВЕРШЕН

«...Отношения, сложившиеся между Советским Союзом и скандинавскими странами, являются реальным выражением на практике принципа мирного сосуществования. У нас хорошие экономические отношения, успешно развивается торговля, расширяется культурный и научно-технический обмен. За последние годы стали более тесными контакты по государственной линии. И мы думаем, что наш визит еще более укрепит эти связи».

РЕПОРТАЖ ПО СЛЕДАМ ОДНОЙ ЦИФРЫ: 1762

Н. БЫКОВ

Фото А. ГОСТЕВА.

Этот репортаж мы начали полгода назад в цехе аммиачной селитры Новомосковского химкомбината. Запомнилась фантастическая картина: едкая мгла клубится внутри гигантской кирпичной колбы, в центре под потолком огромный пульверизатор, а из него круглосуточно бьют едва приметные струи крепкого раствора аммиачной селитры. Белый дождь оседает на транспортер в виде гранул... И вот тогда-то мы решили совершить путешествие вместе с селитрой. На наших глазах река удобрений распределялась по мешкам, на наших глазах партию «аммиачки» № 1762 погрузили в пульмановский вагон и отправили на Кубань. Крепкие стальные нити железной дороги связали цех № 3 с бригадой № 3 колхоза имени Тельмана Каневского производственного управления. О том, как приняли кубанцы селитру, как вносили ее, рассказывалось в «Огоньке» № 8. Репортаж из степи заканчивался словами: «Следующая встреча со знакомым теперь полем — в июле, когда каждая белая капля дождя плодородия обернется золотой каплей пшеничного зерна»...

И вот мы снова в колхозе имени Тельмана. Станица Челбасская утопает в зелени садов, посреди станицы озеро с гомоном купающихся. Стоят жаркие дни, канун большой жатвы.

В колхозе за последние месяцы произошли знаменательные перемены. Избран новый председатель правления, Владимир Григорьевич Церцек. Двадцать восемь лет, образование высшее агрономическое, коммунист. Избран и новый парторг — Равиль Баратович Хайбуллин. И такая перемена тоже связана с проблемой большой химии, потому что новое в производстве не терпит людей, равнодушных к этому новому.

— Уже сейчас, еще до завершения уборки урожая и задолго до конца года,— сказали нам в парткоме Каневского производственного управления,— видно, что не быть больше тельмановцам в отстающих. В колхозе идет процесс омоложения. Это даст свои плоды!

Владимир Церцек — председатель молодой, но агроном опытный. Рассказывают, что никак не хотели отпускать его колхозники артели «Коммунар». Даже на перевыборное собрание в Челбасскую оттуда приехал председатель Владимир Алексеевич Зимин: не мог не проводить своего главного агронома в большую дорогу, в самостоятельное плавание!

Церцек увлечен нынешним размахом сельской химии. Он мыслит по-современному: формула изобилия — это земля плюс химия! Первое, за что взялся Владимир в Челбасской,— культура земледелия. Тут и механизаторам и агрономам бригадным досталось. Не раз пришлось покраснеть и главному агроному колхоза Садченко, когда новый председатель, вчерашний коллега из образцового хозяйства артели «Коммунар», вывозил его на засоренные поля, показывал незаделанные концы, позараставшие сурепкой межи и дороги. Лицо поля, культура труда земледельца — эти проблемы нельзя отделять от вопросов химизации.

— Вы знаете, кому первому достались удобрения? — неожиданно спросил нас в степи Владимир.

— Пшенице, наверное. Мы сами были тому свидетелями...

— А вот и нет! Сорнякам!.. Да, сорняки первыми вкусили блага широкой химизации. Ох же и полезли они в этом году! Но мы клин клином вышибаем: гербициды пустили в бой... Конечно, маловато их еще у нас...

Действительно, удобрения сыграли еще и эту, можно сказать, провокационную роль. В условиях трудной зимы на Кубани, когда озимые сеялись и взошли посуху, когда весна выдалась без единого дождя, пшеница не смогла сразу заполучить силу аммиачной подкормки. Селитра, внесенная на тысячах и тысячах гектарах, лежала нетронутой.

— Без дожжичка и аппетиту нэма,— пояснил нам Дмитрий Ручкин, бригадир третьей бригады.

И вот, когда пошли запоздалые майские дожди, первыми очнулись... сорняки. Не все пшеничные поля могли оправиться, а сорняк, оценив обстановку, полез и полез, даже тот, который был уж, кажется, глубоко заделан.

В парткоме рассказывали нам, сколько тысяч гектаров озимых пришлось нынче пересевать. Да не раз, не два, а трижды!.. Тяжелый год.

— И все же хлеба выправились. А кто тут первый помощник хлеборобу? Химия, дорогие товарищи!..

Владимир Церцек того же мнения:

— Не будь такой мощной пищевой зарядки в почве, не видать бы нам нынче сильного хлеба. Вот и ваше подшефное поле, его тоже пришлось пересеять. Почему? Конечно, можно было бы довольствоваться милостями природы. Но экономически это невыгодно. Урожай даже в сто пудов нас уже не может устраивать. Быстро оценив обстановку, приняли решение — взять кукурузой! Она-то даст не менее двухсот пудов зерна. Так и сделали... Таким образом, селитра, хоть и с опозданием, попав под майские дожди, всей своей питательной мощью служит ныне кукурузе. Зато соседние ячменя и пшеницы радуют самый придирчивый глаз.

Председатель, порывистый, все замечающий и очень требовательный, гнал «газик» вдоль бронзовеющей стены пшеницы. Мы приехали в колхоз имени Тельмана за несколько дней до уборки, чтобы увидеть хлебную степь не скошенной, а вот такой, когда она ходит крутыми волнами под жгучим солнцем. И солнце и ветер пахнут в такое время хлебом.

На стане третьей бригады механизаторы окружили бригадира Дмитрия Стратоновича Ручкина. Он только что придирчиво оглядел самоходки и жатки, теперь говорил о сроках страды, о загонах, о главном штурме года. Есть вопросы и к председателю.

— Григорьевич! Когда же широкозахватные жатки получим? — спрашивает лучший комбайнер и рационализатор Павло Ткаченко.

Председатель всей душой понимает механизаторов, но факт печальный: в колхозе всего одна жатка ЖВН-10. Это на пять-то ты-

НИША

Мы вернулись на то же поле

Земной поклон колосьев

Удобрения получат крышу

Капитаны жаток вышли в «море»

Начались страдные дни и ночи.

сяч гектаров!.. Ждут кубанцы от тульских машиностроителей обещанных поставок, уже и солнце страды поднялось, а жаток — современных, широкозахватных — все нет...

С техникой в колхозе при прежнем председателе было плохо. Сейчас, когда требуется совершенно по-новому обрабатывать почву, когда с каждым годом все больше и больше будет поступать удобрений, химикатов, гербицидов, нельзя не позаботиться и о машинном парке. И новый председатель энергично закупает технику. Колхоз за короткое время купил 12 навесных культиваторов, 9 тракторов, 3 самоходных комбайна...

— Плугов вот мало, нам еще надо полтора десятка, а их нет...

Мы хорошо помним, как готовилась аммиачная селитра к путешествию на поля. Пока ее довезли до колхоза, она спеклась в соляные глыбы. В феврале обнаженные по пояс хлопцы разбивали эти глыбы кувалдами. И все же удобрения не пропали, их внесли на огромной площади. Но проблема хранения осталась по-прежнему острой. Владимир Церцек повез нас в первую бригаду и показал место, где будет хранилище для удобрений. Химия получит свою крышу!

— Под лежачий камень и вода не течет,—говорит председатель,—поэтому приходится крутиться белкой в колесе. Покупка техники, капитальное строительство хранилищ и ферм, пересмотр структуры посевов, подготовка широкого фронта для наступления химии — вот наши заботы.

А химический фронт уже сегодня очень широк. Тельмановцы вырастили благодаря удобрениям очень хорошую пшеницу на площади 3 500 гектаров.

Химия пришла на фермы. Зоотехник колхоза Сурен Левонович Митумян — тоже человек еще молодой и очень энергичный — рассказал, что нынче все коровы получали по 80 граммов мочевины и суперфосфатную вытяжку. Это помогло пережить зиму, бедную концентратами.

...Неоглядно пшеничное море. По морю, то пропадая в золотых волнах, то возникая вновь, идут жатки. Это механизаторы из бригады Дмитрия Ручкина начали валить хлеба. Пышными грядами ложатся валки — один за другим, один за другим. Я беру крупный — в ладонь — безостый колос и вспоминаю тех, кто работает в цехе № 3 Новомосковского химкомбината: и аппаратчиков Виктора Шумейкина, и начальника цеха Римму Абрамовну Говзман, и участницу декабрьского Пленума ЦК КПСС Веру Семеновну Петрину... Ведь это и они выращивают нынче кукурузу, свеклу; это и они помогают одолеть сорняки и опрыскивают с самолета вишневые сады Челбасской. Не будь их, не будь их труда, неважным был бы урожай в этом году даже в краю, славном своими черноземами. Сельская химия пришла в степь. Первый ее вклад весом! И нива, над которой пролился белый дождь, склонилась в земном поклоне.

По дорогам шли машины с белыми, еще не запыленными трафаретами на высоких бортах: «Уборочная»...

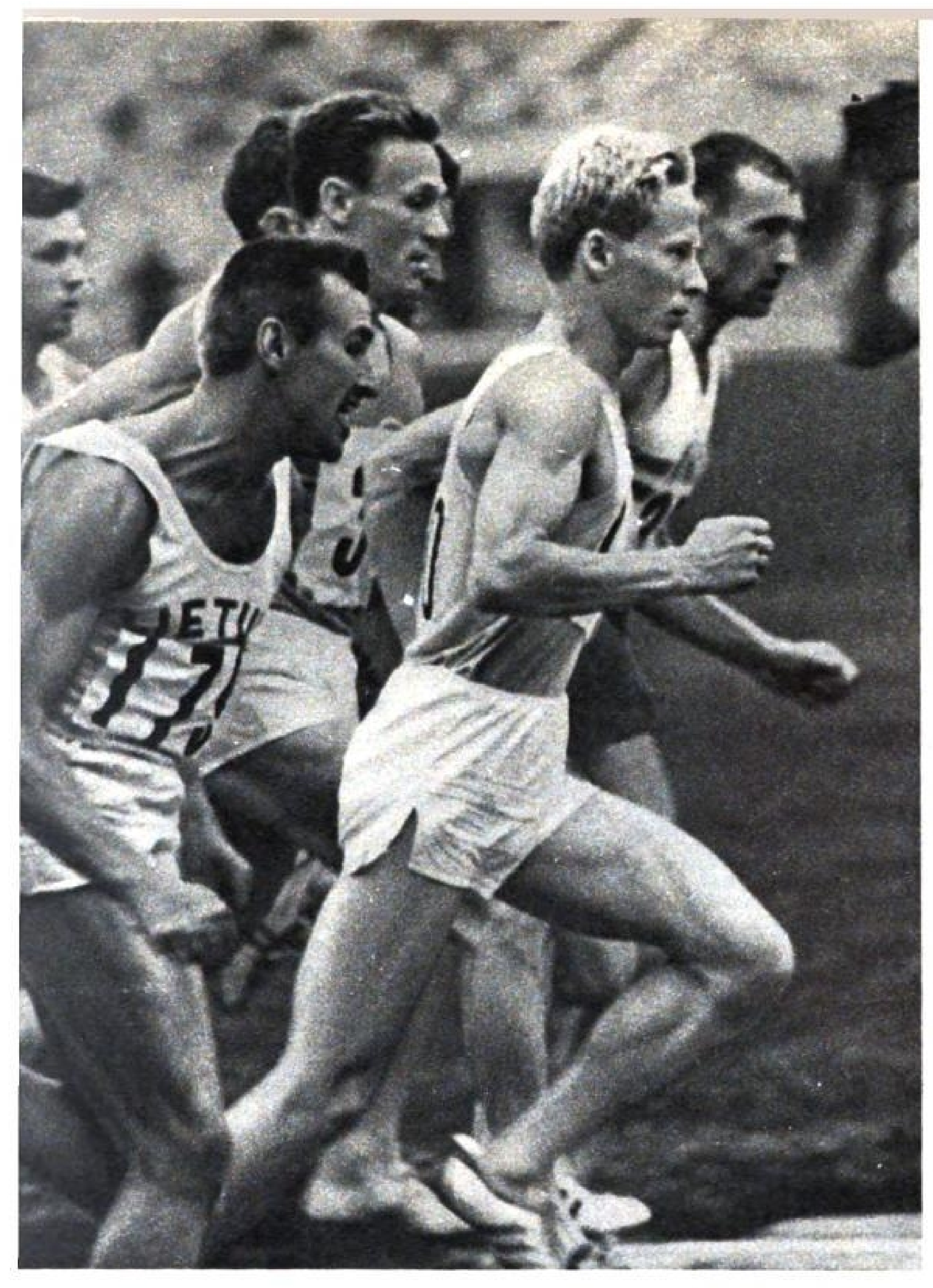
ГОСТИ МОСКВЫ

По приглашению Советского комитета солидарности стран Азии и Африки в Москву прибыл генеральный секретарь Постоянного секретариата Организации солидарности народов Азии и Африки, видный общественный деятель ОАР Юсеф эс-Сибаи. Вместе с ним в Москву приехал заместитель генерального секретаря Саад-эль-Дин Мурси. В Советском комитете солидарности стран Азии и Африки состоялась беседа с гостями.

На снимке: Саад-эль-Дин Мурси и Юсеф эс-Сибаи.

Фото А. Бочинина.

К. Орентас — на первом плане.

Вот он, «трагический» финиш бега на 1 500 метров. Т. Салингер выигрывает у В. Савинкова. →

После забега на 200 метров. Слева направо: победитель А. Баденский (Польша), Л. Беррути (Италия). А. Туяков (СССР).

Первым заканчивает бег Э. Фигерола.

Н. Дутов с главным призом мемориала.

Стадион и фотокорреспонденты приветствуют победителя!

ПРЫЖОК ЧЕРЕЗ ТРИ КОНТИНЕНТА

В разнообразнейшей программе соревнований по легкой атлетике есть один вид, который называется тройным прыжком. Взяв разбег, спортсмен три раза отталкивается от земли и в конце концов приземляется, совершив полет, иногда превышающий 16 метров. В цепи предварительных соревнований перед олимпиадой мемориал памяти братьев Знаменских схож с первым взлетом в тройном прыжке. За ним вскоре последует второй взлет на матче СССР — США в Лос-Анжелосе, а затем и третий, который закончится приземлением в Токио.

Мемориал памяти наших известных бегунов братьев Серафима и Георгия Знаменских прочно вошел в международный календарь и вызывает неизменно большой интерес лучших легкоатлетов мира, а в нынешнем году в связи с подготовкой к XVIII Олимпийским играм этот интерес еще более обострился.

Два дня на стадионе имени В. И. Ленина шла борьба почти по полной олимпийской программе, и лучшие должны были составить команду для матча СССР — США.

Какие же результаты украсили эти интересные соревнования? Если серию международных встреч Москва — Лос-Анжелос — Токио хочется сравнить с тройным прыжком, то международные соревнования в Москве прошли под знаком прыжка обычного — в длину. За несколько часов до открытия соревнований в кулуарах стадиона разнеслась весть о том, что американец Ральф Бостон на отборочных соревнованиях к Олимпийским играм побил мировой рекорд Игоря Тер-Ованесяна, прыгнув на 8 метров 37 сантиметров. А вскоре после того мы узнали, что этот результат как мировой рекорд не будет утвержден, так как сила попутного ветра в Нью-Йорке превышала 2 метра в секунду.

Татьяна Щелканова при силе ветра — ноль установила мировой рекорд по прыжкам в длину — 6 метров 70 сантиметров.

Многие результаты, показанные на соревнованиях, можно вполне считать «кандидатами» в таблицу

Фото Л. БОРОДУЛИНА и А. БОЧИНИНА.

мировых рекордов. Замечательный кубинский бегун Э. Фигерола покорил стадион своим легким, парящим бегом и закончил 100 метров за 10,2 секунды. Его соотечественница М. Кобиан пробежала 100 метров за 11,4 секунды — результат экстра-класса.

Внимание зрителей, естественно, привлекли старты на 1 500, 5 000 и 10 000 метров. Именно в этих видах разыгрывались главные призы соревнований памяти братьев Знаменских, и эти три забега стали одним из ярчайших эпизодов мемориала.

Все три победителя были выявлены лишь в самый последний момент. В беге на 1 500 метров советским спортсменам еще ни разу не удавалось завоевать приз имени братьев Знаменских, но на сей раз казалось, что хрустальная ваза останется дома. Чемпион страны В. Савинков в борьбе с рекордсменом страны И. Белицким обогнал всех и первым появился на финишной прямой. Но тут внезапно из массы бегунов, которые как будто бы уже смирились с поражением, вырвался чехословацкий спортсмен Т. Салингер. Он ни разу не пытался возглавить бег, а тут стремительно ринулся вперед, сравнялся с Савинковым и перед самым финишем первым коснулся ленточки! Оба бегуна показали одинаковое время — 3 минуты 42,8 секунды, но первое место завоевал Салингер.

Зато в беге на 5 000 метров, который уверенно вел англичанин М. Уиггс, нашелся советский стайер, который смог противопоставить гостю свою волю, свою скорость. Уже на последних метрах литовский спортсмен К. Орентас догнал Уиггса, обошел его и первым закончил бег в отличное время — 13 минут 45 секунд. Это новый рекорд мемориала.

Остался на родине еще один главный приз: московский стайер Н. Дутов, уже не раз радовавший нас результатами, в нынешнем сезоне, финишировал первым в беге на 10 000 метров. Но победители этих крупнейших соревнований — советские спортсмены — долго дома не задержатся. Их ждут в Лос-Анжелосе главные соперники на предстоящей олимпиаде — американские легкоатлеты. А там придет пора собираться и в Токио.

В. ЯКОВЛЕВ

Новый мировой рекорд Т. Щелкановой — 6.70!

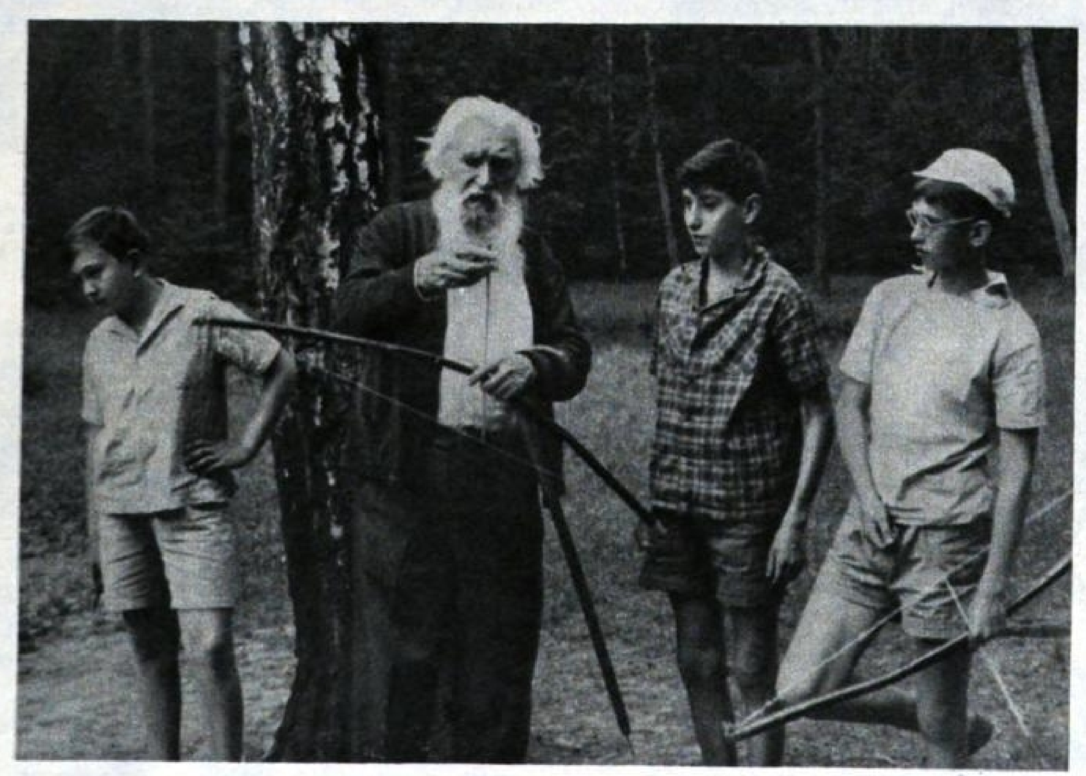
Кубинская спортсменка М. Кобиан и В. Крепкина после бега на 100 метров.

С. Т. Коненков и его жена →
Маргарита Ивановна.

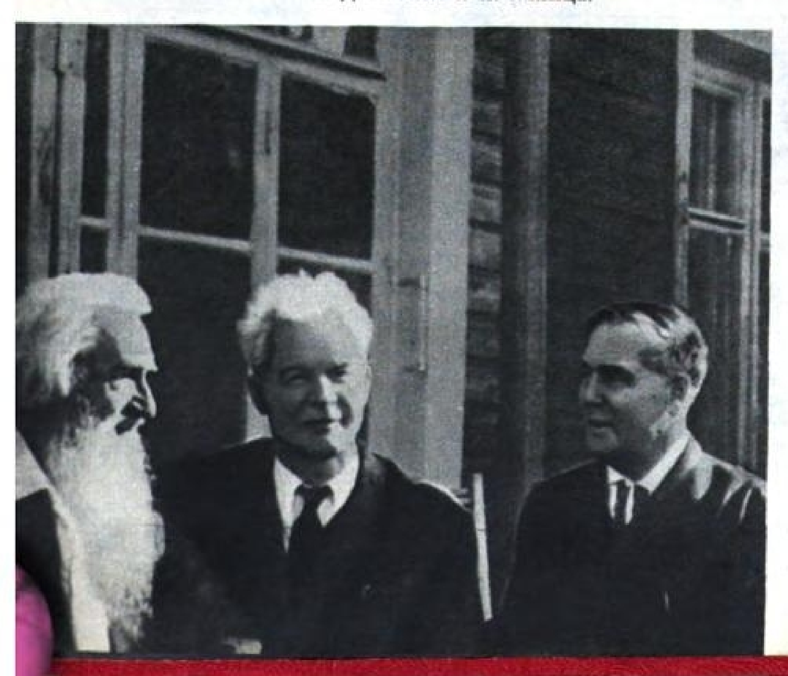

Жилище скульптора.

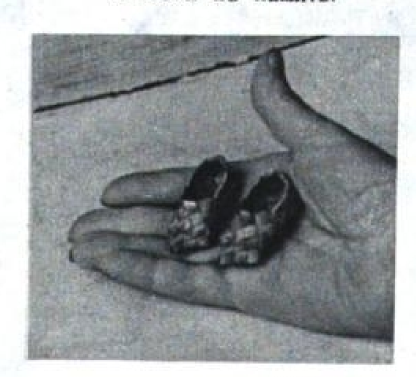

Ну кто же так делает стрелы?

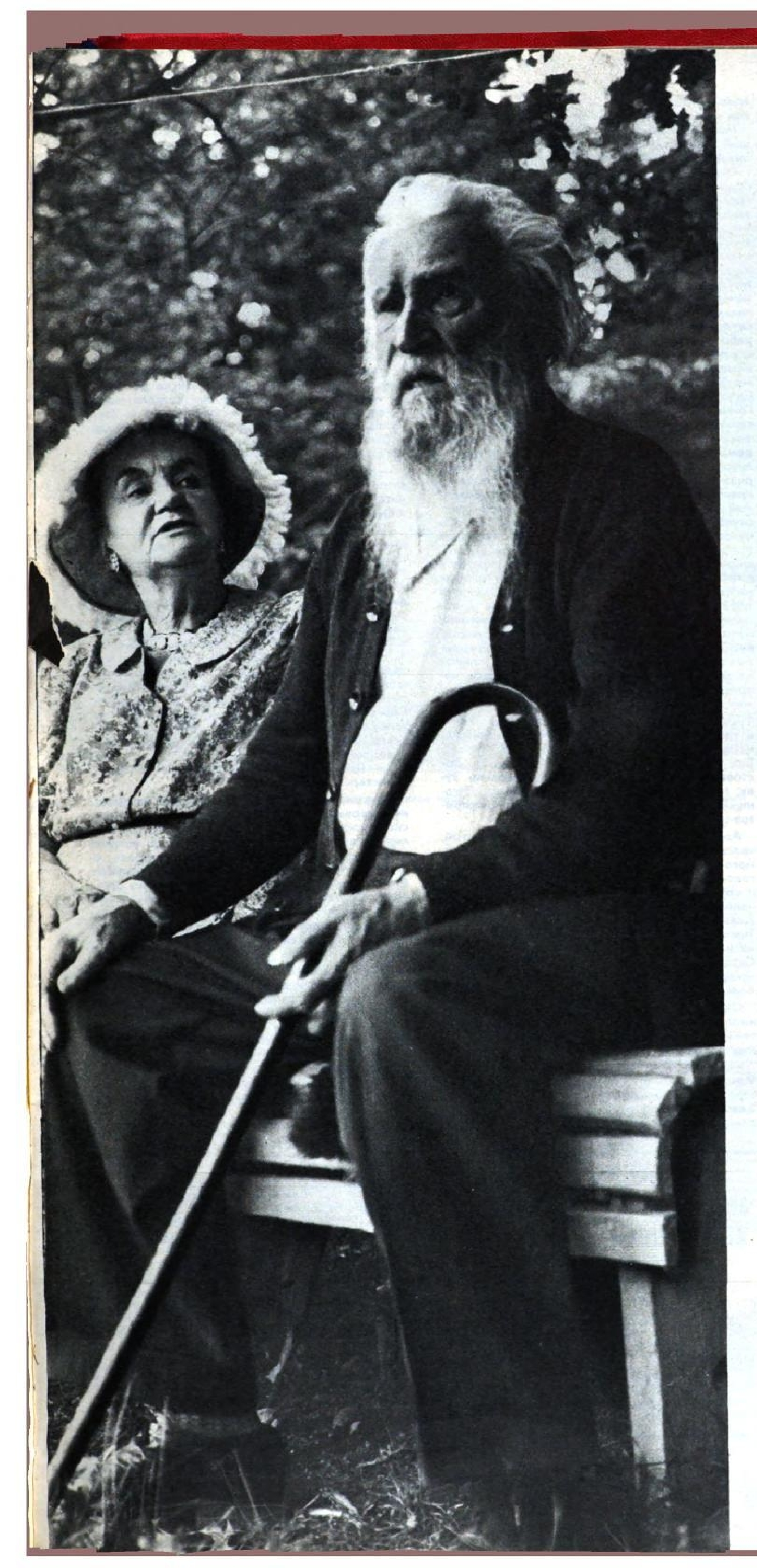
Дорогой памяти снимок из личного архива: С. Коненков, А. Довженко и П. Капица.

Лапотки на память.

Разговор с самим собой

Ю. БЫЧКОВ

Фото Д. Бальтерманца.

«Когда в тиши своей мастерской я работал над «Автопортретом», относясь к этому как к глубокому раздумью, я думал не только о портретном сходстве, а прежде всего хотел выразить свое отношение к труду и искусству, свое устремление к будущему, в царство постоянной правды и справедливости. Как мне радостно сознавать, что этот мой разговор с самим собой, взгляд в светлое грядущее понят моими современниками»,— писал Сергей Тимофеевич Коненков в газету «Правда», узнав о своем награждении премией имени Ленина.

Разговор с самим собой... Разговор художника с памятью и мечтой не прекращается и сегодня, когда девяностолетний скульптор чуткими, сильными пальцами преобразует едва пролепленный абрис лица в человеческий характер; когда на удобные для старческих глаз большие листы ложится крупная вязь поэтичных строчек — Коненков, как всегда, с увлечением пишет мемуары; и когда с юмором, а чаще патетически, говорит он с гостями и посетителями. Говорит своеобразно — картинно, спорно, и люди загораются, благодарные старому художнику за крылатую мечту, за широту его русской натуры.

Разговор с самим собой продолжается и в дни поездок «к дубу». Старые могучие деревья — любимцы Коненкова. Они влекут его к себе для безмолвной беседы. Были поездки «к дубу» под Ельню и в Литву (литовскому богатырю две тысячи лет. «Он слышал топот римских легионов»,— задумчиво произносит Коненков), в Михайловское — к заветному пушкинскому дубу и еженедельные походы по Подмосковью. Погостив у дуба, Сергей Тимофеевич всю обратную дорогу молчалив, углублен в себя. «Все воспоминаю,— вдруг признается Коненков,— уже написал двести страниц. Теперь отправляюсь в Грецию и Египет».

Будущая книга — точный, почти докумен-

тальный рассказ о жизни, рассказ, согретый народной лукавинкой, отмеченный наблюдательностью.

Вот небольшой отрывок из книги:

«...Родоначальником семьи Коненковых был прадед Иван Сергеевич. По преданию, это был высокий человек богатырского сложения с седой бородой до пояса. Жил он в деревне Нижние Караковичи, вблизи зеленого оврага, именуемого Вих-ров, у истока ручья, неподалеку впадающего в Десну. Соседи Ивана Сергеевича были Волковы, Медведевы, Самсоновы. Я помню одного из потомков тех Самсоновых, могучего человека с лохматыми рыжими волосами и большой бородой. Он запечатлелся идущим по деревне босиком в длинной холщовой рубахе и холщовых портах. Этот человек навсегда остался в моей памяти как образ силы и простоты.

Особняком стоял двор, таинственный и привлекательный. Там жил гончар. Хата гончара просторная, веселая. По полкам, у стен расставлена разнообразная глиняная посуда. Посредине помещения над кружалом сидит горбатый расторопный человек. Он быстро, ловко вертит босой ногой станок. Под его мускулистыми руками кусок глины на глазах преобразуется. Появляются то кувшин, то горшок, то горлач. Изделие подрезается снизу ниткой и вот уже, мягкое, податливое, бережно убирается на полку. Там стоят, сбившись в кучу, махотки, двоешки, кринки, матрешки в кичках, платках и повойниках, куры и петушки-свистелки. Радостно смотреть на веселую глиняную рать. Рукава гончара засучены до локтей, на лбу повязка, чтобы волосы не спадали и не мешали работать.

Для окончательной обработки всего этого богатства изделия нужно обжечь. Через несколько дней, когда «обжинка» готова, мы, ребятишки, прибегаем к разборке. Гончар осторожно разбирает горн, вынимает посуду и расставляет вокруг себя, любуясь своими творениями. Сходятся бабы и мужики, выбирают что кому нужно: кому кувшин, кому миски или двоешки. Нам, ребятишкам, матрешки да свистульки-петушки. Все довольны.

И гончар счастлив. Тихой радостью осветилось усталое, землистого цвета лицо. Завидная у гончара судьба: поделки его из рук в руки идут к деревенским людям. «Испек» он свои творения,— в каждом доме радость. И все это у него на глазах».

Вихрастый мальчишка, с завистью следивший за волшебством, творимым руками деревенского гончара, стал знаменитым скульптором. Один перечень его работ занял бы несколько страниц журнала.

«Может быть, еще не до дна понимаю Ваше искусство, но оно глубоко симпатично мне и вызывает восхищение своей верностью жизни, своим богатырским размахом, необычайной широтой интересов и высотой мысли...

Мне хочется поздравить Вас с наступающим 90-летием. Вы встречаете эту великолепную дату, продолжая трудиться с такой энергией, которой можно только позавидовать и какая не у каждого есть даже в молодости.

Игнатий Корчагин. Воркута».

Это прекрасное письмо — одно из сотен народных откликов.

Очень часто письменно и в разговоре, подивившись его трудолюбию и таланту, Сергея Тимофеевича спрашивают, как он работает, когда и при каких обстоятельствах зародился тот или иной замысел. Коненков сердится: «Как? Да когда? А почем я знаю! И какое это имеет значение! Тружусь — вот и получается».

В первых числах апреля этого года Сергей Тимофеевич попросил меня позировать ему для портрета А. П. Чехова. Описания современников, фотоматериал не дали скульптору достаточно точного и живого представления о пластике фигуры и архитектонике головы писателя. «Приходи завтра в десять». Пришел, как уговорились. Мне показалось, что Коненков совсем не настроен работать. Он сидел в кресле-плетенке вдали от станка с глиняной фигурой Чехова, которая, кстати сказать, была укутана в непроницаемые для глаза и воздуха хлорвиниловые полотнища. Разговор шел то о всяких пустяках, то о сегодняшних событиях. Помолчали. И вот уже другим, небудничным голосом скульптор сказал, обращаясь ко мне: «Я его (Чехова.— Ю. Б.) думаю расположить у трех тополей. У тех, что он посадил. Как по-твоему?»

Мы вспомнили поездки в Мелихово. Цветущий вишневый сад. Рассказы старожилов Мелихова об Антоне Павловиче.

Скульптор поднялся с места. Ловко освободил фигуру Чехова от скрывавших ее покровов. Усадил меня, быстро нашел интересовавшую его позу, и работа началась. Решительно, энергично снимал он пласты зеленоватой масленящейся массы, уточняя вылепленную раньше фигуру. Так же решительно он изменял пропорции головы. Лицо, лоб, затылок за какой-нибудь час претерпели существенные изменения. Стремительные, точные пальцы с неуловимой быстротой касались скульптурных объемов. Чем-то эта увлеченная работа напоминала импровизацию музыканта-виртуоза. Куда девалась старческая походка и величавая медлительность! Быстрыми шажками Коненков обходил скульптурный станок. Склонялся над глиняной фигурой Чехова. Проверяя внешние наблюдения, как-то удивительно мягко, неслышимо ощупывал мою голову. Отходил подальше. Прицеливался взглядом, мыслью и тут же, без промедления, реализовывал свою догадку. Мял, перекраивал, резал стекой податливую глину. Восхищаясь красотой его труда, я, как загипнотизированный, сидел в заданной позе. Это и нужно было скульптору. Дело быстро подвигалось. Черты чеховского лица, пропорции фигуры все более утончались, заметно приблизившись к идеалу, видимо, давно уже выкристаллизовавшемуся в сознании скульптора. Антон Павлович оживал на глазах. Но, видимо, не все еще решил для себя художник, какая-то важная грань в облике писателя не давалась его воображению, и подобно тому, как внезапно стихает порыв ветра, Коненков без колебаний и промедлений бросил работу. Он устало повернулся спиной ко мне и, шаркая потяжелевшими ногами, направился к креслу. Оттуда жестом показал мне, что на сегодня хватит.

Созданные Коненковым скульптуры несут в грядущее свет и пламень. Нике, сказительница Кривополенова, рабочий Иван Чуркин, Бах, Горький, Шаляпин, Павлов, Эйнштейн, Достоевский, колхозник деревни Караковичи Зуев, Маяковский, Мусоргский, Белояннис, Паганини, Гоголь, Эрзя — каждый из этих портретов-шедевров у нас на памяти.

Александр Довженко. Волевой, порывистый, красивый особой красотой человека, одержимого великой целью. Легко вскинута крупная голова. Голова мыслителя и поэта. Просторен и крут разворот плеч. Во всем устремление человека вперед, ввысь. Александр Петрович Довженко — давний друг Коненкова. Сергей Тимофеевич ласково называет его Сашко. «У нас с Сашко одна прародительница—Десна. Оттого у нас много общего: одной землей вскормлены, а Десна-красавица — наша колыбель».

Очарованные Десной поэты и стремления имели общие. Космос — давняя и постоянная тема Коненкова. Космос волновал воображение Довженко.

— Когда 12 апреля шестьдесят первого года я услышал: «В космосе Гагарин»,— рассказывает Сергей Тимофеевич,— тут же вспомнил Довженко. Как о необходимом и срочном задании времени говорил мне Сашко о задуманном им фильме «Жизнь на Луне». Над ним посмеивались: «Зачем вам, Александр Петрович, взбираться на Луну? Мы любим вас и земного». Но он не мог быть «земным». Он рвался в полет, зорким взглядом вглядывался в грядущее.

Беломраморный Довженко в портрете Коненкова полон неистребимого жизнелюбия, высокого духа. Мрамор дышит, излучает свет.

«Уважаемый Сергей Тимофеевич! Большое спасибо Вам за статью «Совесть». Посылаю Вам лапотки — произведение вымирающего искусства. Какой-то неизвестный умелец плетет их. Продает на базаре в Вологде женщина. На мой вопрос: «Кто плетет? Где живет мастер?» — женщина испуганно замахала руками и затерялась в толпе рынка.

В городе есть отделение Союза художников, но его не интересуют кустарные промыслы. В Вологде не купите знаменитых русских кружев. А поезжайте вы от Мурманска до Батуми — везде магазины забиты стандартными сувенирами, скучное единообразие. Как было бы хорошо, если бы авторитетные люди побольше писали об этом...» — пишет из Вологды Глафира Ивановна Трошенкова.

— Что тут будешь делать? Коль признают за авторитет,— надо писать,— говорит Коненков, читая письмо.— И скульптуры надо делать. И юбилей надо «терпеть».

Именно терпеть приходится юбилей. Ежедневно бывают в доме журналисты по одному, по два и большими командами, кто на минуточку, а кто и на полный день. Радио, телевидение, кино. Сколько нужно сил, чтобы в каждый их приход исполнять назначенную сценариями роль и при этом умудряться оставаться самим собой! Несчетное число раз приходили юбилейные, выставочные, приемные комиссии. А тут еще распространилось сообщение, что двери мастерской и дома Коненкова в предъюбилейные месяцы открыты для всех. Маргарита Ивановна, супруга, друг и помощник Сергея Тимофеевича, часами не отходила от телефона, регулируя бурный поток человеческого интереса к жизни и труду старейшины советского искусства.

...— Проходите. Сергей Тимофеевич вас ждет в мастерской.

Открываешь дверь и оказываешься на высоком деревянном крыльце, словно на капитанском мостике. Перед тобою океан труда. Вот перед глазами в исступленном порыве воздел над головою руки коненковский «Пророк», а вдали, у противоположной стены, грандиозные Маяковский и Суриков; мраморное лицо Врубеля; высокой тайной веет от символического «Космоса»; красота спасет мир,— утверждает благородный лик Достоевского, а на ступенчатых террасах памятника Ленину — фигуры героев истории.

В центре просторного зала сидит в плетеном из ивовых прутьев кресле седобородый крепкий старец — скульптор погружен в раздумье.

А неподалеку от него, в правом углу, «Арфа мира» — любимое детище Коненкова. Начнет человек перебирать струны этого инструмента — и заслушаются лес и травы, звери и птицы, люди и рыбы в реке.

Все они здесь. Окружили диковинный инструмент. Слушают. Вырубленный из золотистого древесного комля лукавый, ласковый дед невидимо дирижирует песней природы.

КАРЕЛИЯ, МЕДВЕЖЬЕГОРСК...

Лето — пора путешествий. Можно махнуть аж на Саяны или даже еще подальше, забраться в какой-нибудь медвежий угол и от зари до зари шагать вперед с рюкзаком за плечами, открывая все новые и новые красоты земли. А можно сесть в экспресс «Полярная стрела» и через несколько часов выйти, скажем, на станции Медвежьегорск.

Карелия!.. Страна 40 тысяч озер и 6 тысяч рек, страна корабельных лесов и диковинного гранитного хаоса. Раздолье для любителя трудных дорог. «Повенец — свету конец»,— вы с явным удовольствием повторяете старинную поговорку в такт своим шагам. Но — увы! — в наше время все меньше становится мест, куда еще не ступала нога туриста. И хотя сбудется почти все, о чем вы мечтали еще дома,— и белые ночи Прионежья, и веселая пляска костра над сиреневым озером,— но каждая ваша встреча в пути снова и снова напомнит вам, что время медвежьих углов прошло.

Вот торопится состав с бумагой из Сегежи, растущего центра лесохимии. А вот на Медвежьегорском лесозаводе идет погрузка пиловочника для молодого африканского государства. А вот на судоверфи в Пиндушах спускается на воду очередная морская баржа. И, засыпая в палатке после такого длинного и такого короткого путевого дня, вы видите во сне почему-то не сохатого, повстречавшегося вам у ручья, а поезда, поезда, поезда... Что ж, если верить снам, это значит: опять к дороге!

К. ВЛАДИМИРОВ

Голубыми глазами озер смотрит Карелия в высокое небо. Чист и прозрачен ее воздух, настоянный на смолистом дыхании зеленых лесов

Фото М. САВИНА.

Лес можно назвать главным богатством этого своеобразного, неповторимого края.

Норка маленькая, но очень дорогая... Повенецкий зверосовхоз каждый год выращивает 45 тысяч этих симпатичных зверьков.

На магистрали Ленинград — Мурманск нет дыма паровозов.

Юрий ПОМОЗОВ

Рассказ

ХОЧЕШЬ — ВЕРЬ, ХОЧЕШЬ — НЕТ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

В одной деревеньке под Брейтовом встретил я занятного старика, который, как, впрочем, и всякий разбитной ярославец, был неистово речист, то есть так частил, что слова его будто горохом рассыпались; а главное, он обладал завидным умением бойко и хладнокровно рассказывать на редкость удивительные и, казалось бы, неправдоподобные истории, причем сам же великодушно предлагал потрясенному слушателю: «Хочешь — верь, хочешь — нет». Незаметно для всех и для самого колдовского рассказчика это присловье от чрезмерного употребления обернулось прозвищем, и теперь, если приезжему требовался ночлег, ему с усмешечкой советовали идти к «Хочешь — верь, хочешь — нет».

Это был еще крепенький и на диво румяный старичок с толстыми щечками, с чистеньким, без одной морщинки лбом и тупым носиком, расплющенным пуговкой. Но особенно примечательны были глаза: они обладали потешным свойством при случае выдавливаться из-под реденьких бровей и по-детски невинно взирать на божий мир, после чего вдруг словно лопались, подобно пузырям, и на их месте уже ничего не оставалось, кроме влажных блестящих щелок.

Когда-то «Хочешь — верь, хочешь — нет» вместе с другими стариками почем зря честил Рыбинское море: ах оно окаянное, разбойничье, все поемные луга потопило, все самолучшие поскотины, да, вишь, не насытилось: окунуло на дно и леса низовые, поречные, куда теперь по грибы, по ягоды ходить, где дичи пролетной заземляться?.. Но с годами старики, даже самые строптивые, мало-помалу пообыклись у моря, а «Хочешь — верь, хочешь — нет» — тот и подавно, ибо сердце у него было отходчивое, душа привязчивая.

Мне привелось заночевать у этого доброго старика.

Жил он со своей благоверной у моря на виду, на береговой крутизне, в старой избенке, обхлестанной ветрами, и, пожалуй, уже не мыслил своего стариковского существования без синих безбрежий и крикливых чаек, без семибалльных штормов и морских приключений. А их было немало, и каждое — удивительная история.

— В ту пору, лада моя, когда море нарождалось и все зверюшки и гады безвинно топли, услал меня колхозный председатель, мужик жалостливый, вдовец, услал он меня в пойму, в редколесье, еще не призатопшее, плоты рубить, вязать, чтоб вся разнесчастная живность спасала свою шкуренку.

Ну, смастерил я огромадный плот да, умаявшись-то, и прилег на него, ровно на постельку. А солнце уже вовсю припекало, и от соковой весенней корины этакий дух забористый, сладкий да хмельной, испускался. Меня, конечно, мигом сморило. И вот, лада моя, привиделся мне сон: будто лежу я соплястым младенцем в люльке, и так-то мне добренько, усыпительно! Однако вскорости нашла на меня егозливость. Чую, вроде как я оскандалился, мокрятину, понимаешь, чую под собой. А уж тут не до лежки! Сразу вскочил, глаза вылупил. И вижу я теперь самую натуральность: несет мою ладью на гульливое весеннее разливье; а волны-то снизу шлеп, шлеп... От них, значит, и подмочка.

Хоть и со сна вскочил, да мигом уразумел, что это море подмыло, утянуло плот, а с ним и душу христианскую. И такой страх великий в меня вселился, так меня всего трясет, что тут, прости господи, не только мокрятина в портах заведется, но еще что-нибудь и почище... И вскричал я сиротским голосом:

— Помогите, люди добрые! Ни за что пропадаю!

А какие тут люди? Одни голые деревца метлами из воды топырятся, и нет мне за них зацепки, потому что редки они, как волосы на плешине; да и ветер береговой во весь мах шибает и мчит уже на полной скорости в окиян-море, может, к самому водяному на именины.

— Ой, родима маменька! — причитаю.— На что ты меня, горемышного, спородила? Неужто я, как мореплаватель какой, должон смерть заполучить на воде?

Очень я был тогда пуганый, уж так убивался, что, может, и порты огрузнели... Но тут, хочешь — верь, хочешь — нет, слышу я пищание жалобное, скулящее. Наклонился, а это две мышовки-полевки забрались на мой сапог, от воды подальше, и тоже, как и я, подают бедственный голос.

— Ах вы, други милые! — говорю, расчувствованный.— Заедино, значит, будем горемычничать.

Погладил я одну, другую — в убег не пускаются. Да и куды податься им? Только глазенки их бусинками посверкивают. И вроде как распогодилось на моей душе; будто эти малышки полевки половину мужичьего страха на себя приняли.

Ладно, плывем мы втроя. Хоть и солнышко припекает, а ветер ярится, волна крутобока. Корабль мой, надежда моя, скачет по волнам, ровно телега по рытвинам. Я и присел, чтоб при этой шальной раскачке как-нибудь ненароком не бултыхнуться в воду. Но только, лада моя, присел, как сквозь мою мяготь словно кто сапожные иглы ткнул. Я подскочил, света не взвидя, трясусь по-щенячьи. Одначе глянул через плечо и все мигом узрел: это Еж Ежович наддал мне страха. Забился он, понимаешь, промежду бревен, и как я сделал к нему прикосновение, он и боднул меня снизу. Прямо никакой с его стороны сознательности!

Само собой, после такого конфуза стал я сторожким. Оглядываюсь это я и запримечаю у самых ног черное кольцо. Натуральный спасательный круг. Только и хватайся за него! Одначе я, уколотый, был уже себе на уме. Я рукам-то волю не давал. Я ногой, носочком сапога этак легонько пнул кольцо. А оно как вскинется да распружится! Тут я и сдогадался: змея это прыскучая, гадюка-медянка! И ну тебе креститься: свят, свят, свят...

Вот какая семейка собралась на плоту! Пока я, значит, там, в лесочке, храпака давал, море-то и подкралось, начало призатапливать норки, и зверюшки, не будь дураки, взяли да и заскочили на плот, ну и понесло их, разнесчастных, заедино со мной, по воле волн, как в песне поется.

Так несет нас, несет, и, куды ни глянь, всюду вода бурливая да мутная. В воде деревья подмытые лежа купаются, бревна-топлины стоймя плывут, разные доски, палки крутятся — весь сор береговой. И на каждой дере-

вяшке сырые зверюшки лепятся, а их волной заполаскивает, не то и начисто смывает.

Вдруг, смотрю, Лиса Патрикеевна на плот карабкается, за ней — заяц, и, хочешь — верь, хочешь—нет, обои кричат человечьим голосом. Ну я их — хвать!—за уши да и вызволил из стихии. Одначе теми новоселами дело не окончилось. Как шибанет волна, так беспременно выбросит на плот какую-нибудь зверюшку: то белку-рыжуху, то барсука-фыркуна или ту же полевку... И вот набилось их на плоту-пристанище невпроворот. Жмутся они друг к другу, все братцы и сестрички по несчастью. И любо мне смотреть на них и жалостно: что-то их ждет впереди?

Хочешь — верь, хочешь — нет, а я, ихний атаман, зараз забыл о спасенье своей шкуры, только о них, сердешных, и думаю: дескать, послал мне господь на старости лет деток... Да что там — деток! Целого огромадного детину-сохача чуть не зашвырнуло на плот.

А случилось это так. Слышу, кто-то сбоку в бревно вдарил, и будто зараз двумя топорами. Оглянулся — лосиные рога из воды выкидываются. Я сей же миг и вцепился в них. Хотел, вишь ты, извлечь матерого зверя из моря. Да где там! Он, норовистый, мордой мотает, зубы скалит. Только я, черт въедливый, не отпускаю рогулины и между тем запримечаю, что рвется лось встречь ветру, волне.

— Ага!— говорю.— Ты берег чуешь, тебя к берегу тянет, так будь настолько добрый, прихвати попутком все наше горемычное семейство, век благодарны будем!

Ну, лось вроде как и внял моей чувствительной просьбе. Прет он, ровно буксирище стосильный, и волочит плот вперекор волне. Я же, хочешь — верь, хочешь — нет, правлю его рогулинами, как рулем. Натуральный капитан! И так ловко правлю, что и часу не прошло, как я прямехонько к своей деревне подрулил, и всю свою братию-команду высадил, и сам собственной невредимой персоной заявился на радость колхозного председателя и на утеху своей бабе, которая и живым-то не чаяла меня увидеть.

Выслушав эту историю, какой-нибудь доброхотный слушатель, пожалуй, мог бы призадуматься: уж не приходится ли «Хочешь — верь, хочешь — нет» отдаленной родней барону Мюнхаузену, известнейшему умельцу по отливу словесных пуль? Но в том-то все и дело, что российский приморский житель начисто лишал своих благосклонных слушателей даже малейшей возможности копаться в его родословной и вообще высказывать всякие сомнения по своему адресу. Войдя, как говорится, в раж, он тут же, без роздыха, потчевал заезжего человека, гостя своего, новой историей, еще более ошеломительной, причем голубые глазки его, подобные выскочившим пузырькам, с самой невинной и укрощающей ласковостью поглядывали на вас...

— Однажды, в году уже послевоенном, затишном, приехал к нам из Рыбинска большой начальник, в грамоте поученой человек. Был он до рыбальства сам не свой, всю свою городскую осанку зараз терял, когда удило забрасывал. Ну и поселился он, как водится, у меня, отпетого рыбаря, потому что я, едва море у нас постоянную прописку заимело, уже не плотничал, коров не пас, в ночное тоже не ездил, а, примерно сказать, всей своей пуповиной сросся, сроднился с морем, и никто ее, хочешь — верь, хочешь—нет, не мог перерезать, даже баба моя, скорая на расправу.

Не успел Пал Антоныч (так звали моего постояльца) с дороги отдохнуть, молочка испить, как уже кличет меня в море, прилипает, будто дите малое, неразумное: покажи да покажи, дед, самолучшие места клева или отвези ты меня для зачина, примерно, на ближний островок.

Я вперекор ему говорю:

— Ни ближних, ни дальних островов около нашего местожительства отродясь не водилось, хотя и надо бы их сотворить, потому какое ж это море без островов!

Тут Пал Антоныч молвит с прищуркой:

— Ну и забавник ты, дед, погляжу я! У вас тут под самым носом расчудесный остров раскинулся, а ты страждущего по рыбе человека в заблуждение вводишь.

Я же, упрямистый, на своем стою: мол, даже и завалящего островка у нас днем с огнем не отыщешь, так что вовсе не след приезжему человеку смеяться-потешаться над бывалым приморским жителем.

— Да я вовсе и не смеюсь,— серьезничает Пал Антоныч и оконные створцы толкает.— Вон островок... Прямо картинка-загляденье!

Не хотел я смотреть, да, видать, черт меня за веко дернул. А на море-то, хочешь — верь, хочешь — нет, красуется, будто родинка приглядная, бархатистая, самый натуральный остров! Правда, небольшой он, вовсе даже с кулачок, ежели с высоты на него, примерно, глянуть. Но все-таки, черт возьми, остров, а не какое-нибудь там корыто! И на нем сосенки-крепыши, и прочие деревца, и кусточки щетинятся, одначе все голенькие, как перед весенней цветью.

Только откуда он взялся, этот островина,— вот в чем закавыка.

И стою я, онемелый, одеревенелый, будто колодина, просто до потери всякой сознательности сраженный этим самым чудом-юдом. Да вдруг как вскричу, ровно психоватый, да как швырнет меня нечистая сила в окно заместо двери,— я так и покатился под гору!

Пал Антоныч-то за мной гонится, кричит, чтоб я обождал. А я сгоряча-то, с душевной своей потрясенности, уже лодку спихиваю с отмели и первым, как некультурная личность, в нее заскакиваю, а уж гость за корму кое-как уцепился и карабкается, сердешный, в портах мокрых.

Ладно, поплыли мы к чудо-острову. Я веслами вымахиваю, как иная птица крыльями не машет, потому — наторелый. Лодка моя с волны на волну скок да поскок. Мчимся будто с моторчиком! Да и ветер, надобно сказать, береговой дует, самый погонный. Полнейшее благоприятство! Но глянул я через плечо и сердцем зашелся: остров-то как был далече, так все и маячит там, неподступчивый!

— Это как же понять такое затейство?— обращаюсь я к Пал Антонычу.— Вот вы, кажись, шибко грамотный человек, все науки превзошли. Так вот вы и растолкуйте, почему остров новоявленный в убег от нас пустился.

Пал Антоныч со своей ученостью засох, как стручок гороховый; знай, голову лысистую, шишковатую скребет, а выскрести из нее ничего толкового не может, потому как и на него нашло полное обалдение.

— Давайте-ка,— предлагаю,— рядком сядем да вровень покидаем весла, коли одному несподручно беглеца настигнуть.

Начали мы заедино грести. Уже и рубашки наши склеились, а мы все гребем... Берег уже заделался тонюсенький, ровно тебе веревочка натянутая, а мы, знай себе, дробим воду... И что же? Он, этот остров окаянный, никакой охотки не имеет сойтись с нами. Так все и маячит на горизонте. Не остров — сплошная насмешка над человечеством!

И нашло тут на нас умопомрачение. Сидим мы, будто статуи бессловесные, только глаза таращим на такое шутовство природы. А остров-то еще малость помаячил, подразнил нас да и скрылся, как пароходик, за горизонтом — только его и видели!

Тут на самом, можно сказать, интригующем месте «Хочешь — верь, хочешь — нет» безжалостно обрывал свое затейное повествование, долго молчал да с плутовской усмешечкой поглядывал на слушателей, повергнутых в великое недоумение и готовых, кажется, сейчас же вцепиться в рассказчика и всю душу из него повытрясти, лишь бы только выведать тайну беглого острова. Но «Хочешь — верь, хочешь — нет» стоически выдерживал бурный натиск распаленных слушателей. Если прежде он не давал им даже словечка вставить, то теперь он не спешил выговориться, словно цену себе как рассказчику набивал своим упорным, плутовским молчанием — был, одним словом, себе на уме. Он даже наслаждался: сладко жмурил свои глазки, покрякивал довольный, когда его обвиняли в домысле, просто-напросто во вранье. И лишь вполне насладившись потрясенным видом слушателей, изрядно взвинтив их нервы, «Хочешь — верь, хочешь — нет» невинно начинал новый рассказ, еще более раздражая своих доброхотных и преданных слушателей, тогда как именно этот новый рассказ и мог объяснить и разрешить тайну беглых островов.

— Вот зачался у нас шторм, и бушевал он день и ночь напролет. И хоть крут бережок да высок теремок, а волна разбойничья, хочешь — верь, хочешь — нет, на крышу, как зверюга какая, забрасывалась да сквозь трубу хлестала, окаянная. Пал Антоныч — тот всю ночь глаз не сомкнул, даже вещицы свои собрал на случай бегства, потому что изба так тряслась, будто ее, старуху, лихорадило; не то и натурально могла вниз сползти при подмыве-то.

Но к утречку распогодилось, и море стало ясней ясного — как глазок девичий приветный. Ну, мы с Пал Антонычем, конечно, возрадовались такому затишью. Сей же миг заскочили в лодку и поехали рыбалить. Да все норовили подале от берега отвалить. Потому у берега, лада моя, вода грязней помоев: тут рыбе не продохнуть. Так мы, значит, и гоним на чисто-

водье. Думали, как лучше будет, ан тут и беда бедовая припожаловала...

Хочешь — верь, хочешь — нет, а вдруг забили вкруг нашей лодки огромадные пузыри, и каждый — с голову коровью. Так и кипит вода под лодкой. Словно это тебе водяной, резвясь, щелчки дает по днищу.

Я со страху зажмурился, креститься было начал, да за борт чуть не сиганул, потому — лодка взбрыкивается, как лошадь необъезженная, только и хватайся за борта! А Пал Антоныч уж на что мужчина геройского сложения и голос имеет громовитый, натурально начальственный, а и тот сдал — по-бабьи взвизгнул!

Затем, одначе, вода перестала пузыриться. Я даже малость успокоился, порешил было, что это в окиян-море каких-нибудь огромадных хулиганистых рыб напустили, вроде китов или акул, ну они косяком и прошли под нами, взъерепенили воду.

Но не жди, лада моя, там спокоя, где недавно страх принял. Вдруг начали из засмиревшей воды лезть, как пики, сосны и прочие заупокойные деревца; а на их верхушках и ветках, хочешь — верь, хочешь — нет, налепились, ровно тебе грачиные гнезда, пучки водорослей, только заместо птиц там рыба всевозможная трепыхает, на солнышке блескует. За деревцами, глянь, кусты прут, опять же в страшенных водорослях, почище кощеевой бороды. А там вскорости и кочки мшистые выперли. И на тех кочках столько рыбьей живности, сколько раньше, до затопа, и ягод не росло!..

Но мне тогда, самой собой, не до рыбьих

прелестей было. Какая тут, к лешему, рыба, ежели лодка заедино с нами очутилась посреди суши, и мы на ней сами, как рыбешка дохлая, пойманная. Пучим очумело глаза, а разуметь ничего толком не разумеем. То есть это я один сижу одурелый. А Пал Антоныч, тот, как человек к науке прикосновенный, начал кое-что кумекать.

— Нам,— говорит,— спихиваться надо.

— С чего спихиваться-то?— лопочу я.

— С острова,— говорит Пал Антоныч.— Это, наверно, торфяной пласт всплыл со дна.

— Да зачем же ему, как рыбине какой, всплывать надо было?— Это я с дури-то пытаю ученого человека.— Что ему там, на дне, плохо лежалось? Чай, там, в подводном царстве, тишь да благодать.

А Пал Антоныч объясняет: нет, его как раз

в шторм потревожило, зацепило сильной волной, ну он подумал, подумал да и выбросился поплавком...

— Да почему,— наседаю я, ошалелый,— почему он аккурат под нами выбросился, а не под каким другим кораблем?

— Ну этого я не могу знать,— жмется Пал Антоныч.— Выходит, судьба наша такая. И надо нам эту судьбу-злодейку перебороть, не то унесет она к черту на кулички.

Я опять прицепляюсь:

— Куда ж это нас унесет, скажи на милость, ежели мы на суше?

— На суше-то мы на суше,— молвит Пал Антоныч,— да только на плавучей, островной.

Тут я вгервые огляделся как следует и вижу: вкруг нас вода плещется, играет и вроде покачивает нас. Значит, и впрямь мы врезались в плавучий остров, а лучше сказать, это он по своей инициативности в нас влепился и полонил нас, горемычных.

Как тут было не убиваться! И запел я песню, какую в младости сиротской певал:

Кабы мне, молодчину, была прежняя воля,
Была б прежняя воля, были б еще крылья,
Были б еще крылья, еще златы перья,
Взвился бы высоко, улетел далеко...

Пал Антоныч, видя такое мое малодушество, начал меня совестить, урезонивать, потом вдруг как возгласит по-капитански:

— За борт! На сушу! Толкай лодку!

А где тут толкать? Только я, значит, ногой-то ступил на эту самую сушу, как она, веришь, квашней заходила, зафыркала. Потому — торфяная жижа, а не земная твердь.

Видим: плохое наше дело, вовсе даже погибельное. Тогда давай мы цепляться за ближнюю сосенку да к ней-то и подтаскивать свой корабль. А сосенка не устояла: нет ее корням зацепки к торфу, ну и грохнулась прямо на лодку. Едва нас не зашибла... Зато корму начисто выломала. Теперь уж никакой нам, пленникам, надежи на освобождение! И закручинился я пуще прежнего, чуть ли не по-вольчьи завываю:

— Наша морская жизнь — сказка, смерть — развязка, а островина — гроб-коляска, и ехать нетряско.

Вот, лада моя, как море с нами по-вражьи обошлось! Засадило на остров да еще рыбин всевозможных для соблазна выставило. Они-то прыгают на суше, хлобыстают почем зря хвостами, будто «камаринского» отплясывают, а нам, хоть мы и рыболовы заядлые, смотреть на них тошнехонько. Одна даже стерлядка самолично в лодку заскочила — мы же опять в полной бесчувственности, потому как нас, не хуже рыб, сама судьба насадила на свой крючок. Ну-ка вырвись!..

Но всему, лада моя, приходит конец. Чую: ветерком-сиверком потянуло, и возрадовалась душа. «Коли это остров плавучий,— размысливаю,— так его при попутном ветре очень даже просто может прибить к нашей деревне».

А ветер-то, в утеху нам, силушку нагуливает на просторе. Волна уже грудастая идет, налетистая, так и пришлепывает, будто приговаривает: плыви, плыви к берегу, остров ходячий, бродячий!..

И ведь что ж ты думал, лада моя? Ведь вынесло нас, мореходов, на материк, только, правда, к соседней деревне. И там народ скинул нам с берегов жердины, и мы по этим кладкам и сами сошли и еще лодку следом вытянули. Да не пустую— даровой рыбой груженную!

Случалось, подобные диковинные истории затягивались допоздна, и тогда волей-неволей, как страж семейного порядка, являлась хозяйка, коротенькая бочковатая старушка с вострыми, будто стекляшки, глазками. Подбочenясь, она с ходу напускалась на благоверного: «Ах ты деревенщина, засельщина! Нет в тебе деликатного понятия! Глянь, гостя уморил, до страха довел. Теперь ему, сердешному, вот ужо погоди, приснится вся твоя чушь несусветная, будет он кричать как резаный!» Но «Хочешь — верь, хочешь — нет», привычный к таким наскокам, не видел в них особой препоны для своего красноречивого балагурства; наоборот, жена действовала на него самым вдохновляющим образом, и новую историю, похлестче прежней, дарил он миру.

— Ты скажи мне, лада, где это видано-слыхано, чтоб я, сельский мирянин, от своих же бомбежку принял и чуть не был убиенным? И почему это надо мной одним шутействует море, а, к примеру, не над моей старухой?

Вот раз отправились мы с ней в Захарьин лесок, остатний после затопа. Дело было осенью, и клюквы тогда уродилось видимо-невидимо: вся земля алела, будто зорькой полыхала.

Добрались мы до места к полудню: дорога-то дальняя, приболотная; куда ни ступи — вода гнилая пузыряет. А самый наиглавнейший клюквенный клад — на мыске, в глуши нехоженой. Одначе мы и туда, не хуже змиев, проползли. Ходим по кочкам, пуховым подушечкам, и каждую пальцами этак забористо, ровно тебе гребнем, прочесываем. И нет нам дела до ветра и дождичка осеннего, морошного. Одолела нас с бабой великая жадность. Я даже на край мыска пробрался и, хочешь—верь, хочешь — нет, прямо из воды выдираю клюкву, потому как море призатопило кочки, да самые ядреные, в ягоде с добрый орех, а то и с голубиное яичко.

Увлекся я, лада моя, таким богачеством, уж так увлекся, что полной связи лишился со своей старухой. Кричу, надрываюсь нутром, как кобель какой брехливый,— нет отзыва. Тогда двинулся я на поиски. Сделал примерно шагов с полсотни и вижу: восседает моя баба на кочке, будто царевна на троне, и лопает с устатку свиное сало. У меня ж, веришь, в животине штормит не хуже, чем на море-океане. Ну, я к ней и припустился бегом да в воду-то чуть и не бултыхнулся...

Очень даже хорошо помню, что не было тут разливья. А вот как взыграл голод зверский и до старухи, кажись, руку протянуть, так на́ тебе—и препятствие, просто издевательство природы! Само собой, я в обход. Только чтоб ты думал? Чем я провористее, значит, с фланга обхожу это болотное окнище, тем вширь оно идет. И вскорости, глянь, уже целая река льется промежду меня и старухой.

Одначе и это еще полбеды. А вот заприметил я, будто Лукерья моя со своим добромсъедобой, как на грех, отдаляется. Или, может, это я сам от нее отплываю заедино с берегом-мыском? Сразу разве разберешь! Но только нет мне хода, и в расстройстве чувств начал я кричать, руками махать, как пугало огородное. Лукерья, конечно, вскочила, зараз поняла: неладное что-то творится на божьем свете — и ну голосить, причитать по мне, как по покойничку:

— Прилети-ко ясным соколом, прилети-ко соловеюшком, хоть на малую минуточку...

Тут-то я и сдогадался, что это не мою бабу, а опять же меня, мученика,— и в который раз уже!— уносит в море-окиян. Дело вроде как привычное.

— Кинь сала!—кричу Лукерье.— Снабди провизией на случай дальнего мореходства!

А Лукерья видит: цельный берег заедино с деревцами и со мной, грешным, отплывает, ну и впала в столбняк, стоит дура дурой, хоть кол из нее теши. Да и то сказать! Прежде-то она только через мои рассказы ведала о подлых злодействах моря над моей мирной личностью; теперь же все наяву узрела, вот и обеспамятела.

Зато я, слава богу, в полном разуме пребывал, потому — наторелый и тонкое обхождение могу иметь с шалопутным этим морем. Я, согласно своему мореходному опыту, стал приспосабливаться к обстановочке. Перво-наперво обошел я вдоль и поперек весь отколотый берег. Вижу: обернулся он уже островом, и порядочным! Значит, можно на нем очень даже привольно угнездиться и плыть в свое удовольствие.

Так оно, лада моя, и было. Меня, понимаешь, на волне качает, как в люльке, дождь сверху сыплет, а я шалашик связал, и нет мне страха. Прямо героем себя сознаю! Первостатейной геройской личностью.

Одначе к вечеру шибанул сильный сиверко, все море до донышка взбуравил. И начало меня кидать вверх, вниз, как на качелях. На душе, конечно, тошнехонько, и сердце обмирает, так и закатывается куда-то под живот. А темень сплошенная, непроглядная: хоть бы один огонечек! Только гривы волн белеют, и сдувает их, как клочья шерсти, на плавучую островину...

Иной бы тут от страха помер, а я столько всего натерпелся от этого разбойничьего моря, что вовсе даже сделался бесчувственный. Я взял да и заснул посреди стихии. И снится мне сон шутейный, легкомысленный: будто я, согласно просьбе своей старухи, взлетаю ясным соколом и спускаюсь жив-целехонек прямо в палисаде у себя.

Вот скажешь, лада моя: приснится же старому хрычу такая несусветная чушь! Но ты дальше, дальше слушай.

Вдруг как громыхнет у моих ушей, аж перепонки лопнули, да как выкинет меня из шалаша нечистая сила, я и проснулся зараз, пялю глаза вверх. Солнышко уже светит, небо ясное: откуда бы, кажись, грому взяться?.. Тогда я по сторонам начинаю зыркать. И что ж это я узрел-то! Вкруг моего острова пасется несчетное множество великих и малых островов; не то и просто торфяные комья сбились, как тебе овцы. А вдали-то над этим плавучим стадом вскинулась бетонная гора, и от нее на обе стороны крутобокая насыпь расходится, то есть плотина. Хотя тогда, спросонья-то, я, само собой, не понял, куда это меня судьба-стихия забросила; сижу, разинув рот, озираюсь; да и оглох я, надобно сказать, вчистую.

Но тут, хочешь — верь, хочешь — нет, прямо-таки на глазах у меня ближний островина на дыбки вскинулся и зараз в дым превратился. И тут же из моих ушей точно пробки вылетели. Теперь слышу я: гремит, катится далями эхо взрывное. А как укатилось оно, стрекот

начал бить по ушам, да этакий сверебящий, въедливый. Задрал голову — стрекозина огромадная кружит. И вдруг вижу я, как из ейной брюшины железной вываливается... груша. На вид она даже вовсе аппетитная, только и лови, хватай! Но вот завыла она смертным воем над моей дурной башкой, и я, хочешь — верь, хочешь — нет, по самый пупок вонзился в кочку. Ровно страусина какая! И думаю, зажмурившись, уши заткнув: «Не иначе, война началась и враг в меня фугаской метит».

Все ж таки я живехонек остался, после взрыва-то! Сразу вскочил, рубаху с себя содрал — и ну махать ею, как флагом: пощадите, мол, сдаюсь в плен! До того, веришь, махал, что едва руки не выкрутились из плечей. И ведь не зря, не зря усердствовал! Заприметили меня люди добрые с вертолета, пошли на снижение. Потом — раз! — лестница веревочная скинулась, и я, не будь дурнем, вцепился в нее и вверх, вверх, как по трапу...

Так, лада моя, в один момент очутился я после моря, на небесах, у летчиков-вертолетчиков. И они-то мне растолковали, что в ночной штормище, пока я, значит, распрекрасные сны видел, нагнало к Рыбинской плотине великое множество торфяных островов, и нужно было их бомбить, как врагов лютых, чтоб они подходы к турбинам не закупорили.

А потом летчики-вертолетчики этак вежливо, будто и меня заедино с островами не бомбили, спрашивают:

— Куда вас, папаша, доставить, на какое местожительство?

Я назвал свою деревню, и они, черти обходительные, вмиг меня к ней домчали да еще предлагают опуститься прямехонько на крыльцо.

— На крыльцо так на крыльцо,— говорю, глазом не моргнув, потому как столько я уже чудес навидался, что меня уже ничем не удивишь.

И вот повисла железная стрекозина аккурат над моей избой, скидывают мне лестницу, и я по ней ловчее обезьяны вниз спускаюсь. А тут как раз на крыльцо выходит моя Лукерья. Видит она, как я, воскресший, заместо ангела спускаюсь с небесов, ну и грохнулась плашмя, чуть не замертво. А я ей-то — с полной хладнокровностью:

— Прилетел твой ясный сокол, да не на малую минуточку — на долгую вечность.

Много еще и других затейных историй, в которых быль—та же сказка, поведал «Хочешь— верь, хочешь — нет» своим постояльцам; а те разнесли их по белу свету, и теперь нет у колдовского рассказчика отбоя от слушателей: идут к нему денно и нощно российские и чужеземные туристы. И всех привечает бойкий ярославец добрым словом, всех потчует сказаниями о морских чудесах, хотя чудеснее всяких чудес он сам, потомок русских сказителей, певец нови советской.

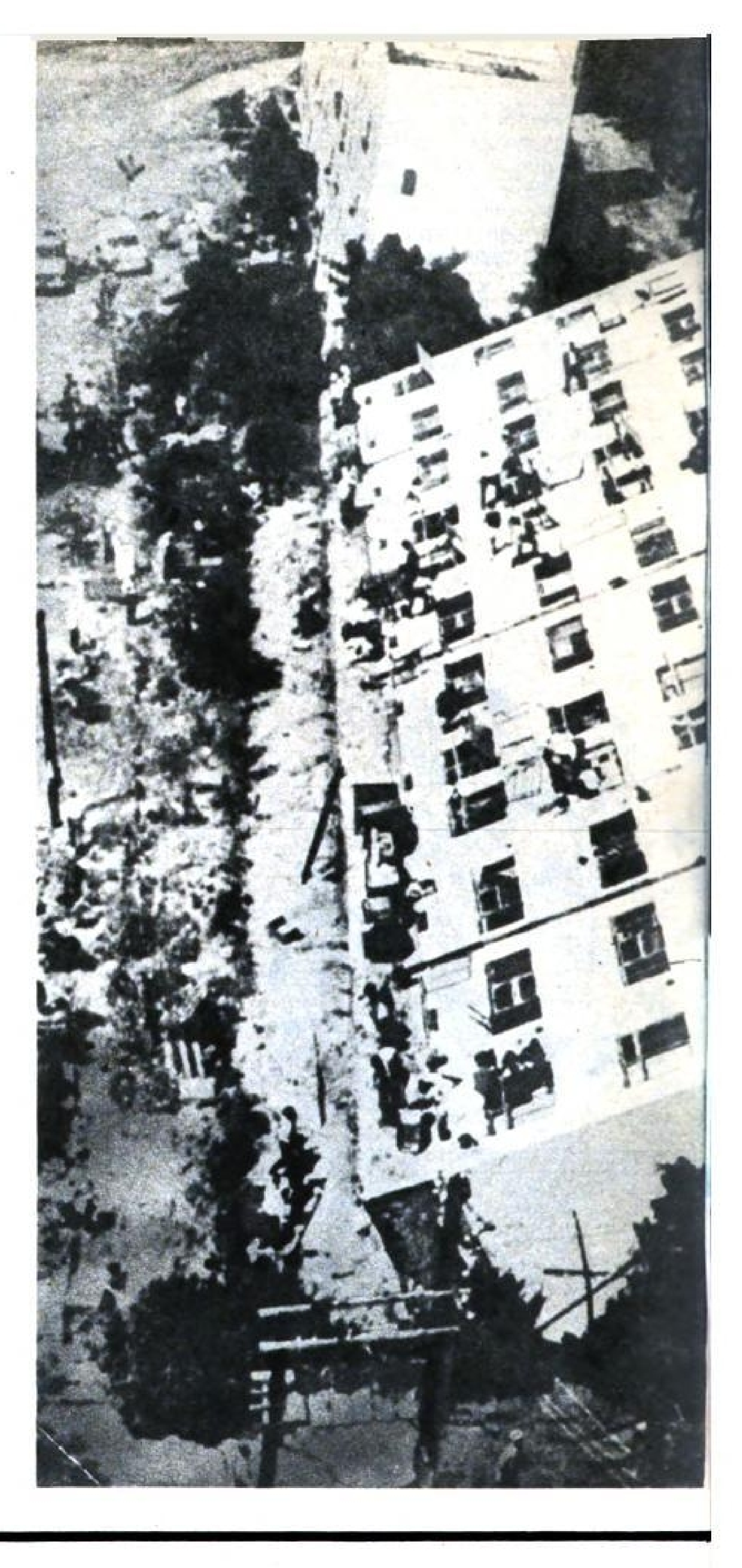

ГОРЕ НИИГАТЫ

Землетрясения в Японии не редкость. Но землетрясение, сокрушившее город Ниигату, взволновало всю страну своими масштабами. Разрушено и затоплено водой 24 тысячи домов, от землетрясения, наводнения и пожаров пострадал каждый второй житель Ниигаты. Ущерб, нанесенный городу и его жителям, определяют в 35 миллиардов иен. И при всем при этом считается, что Ниигате сравнительно «повезло». Если бы еще взорвались газохранилища нефтехимической компании «Сёва секию», то в Ниигате в живых не осталось бы никого.

Пароходы, разбитые о берег гигантской волной.

От подземного толчка четырехэтажный дом упал, как спичечный коробок.

Фото из японского журнала «Майнити граф».

ДВЕ ВЫСОТЫ УРУНБАЯ АБДУЛЛАЕВА

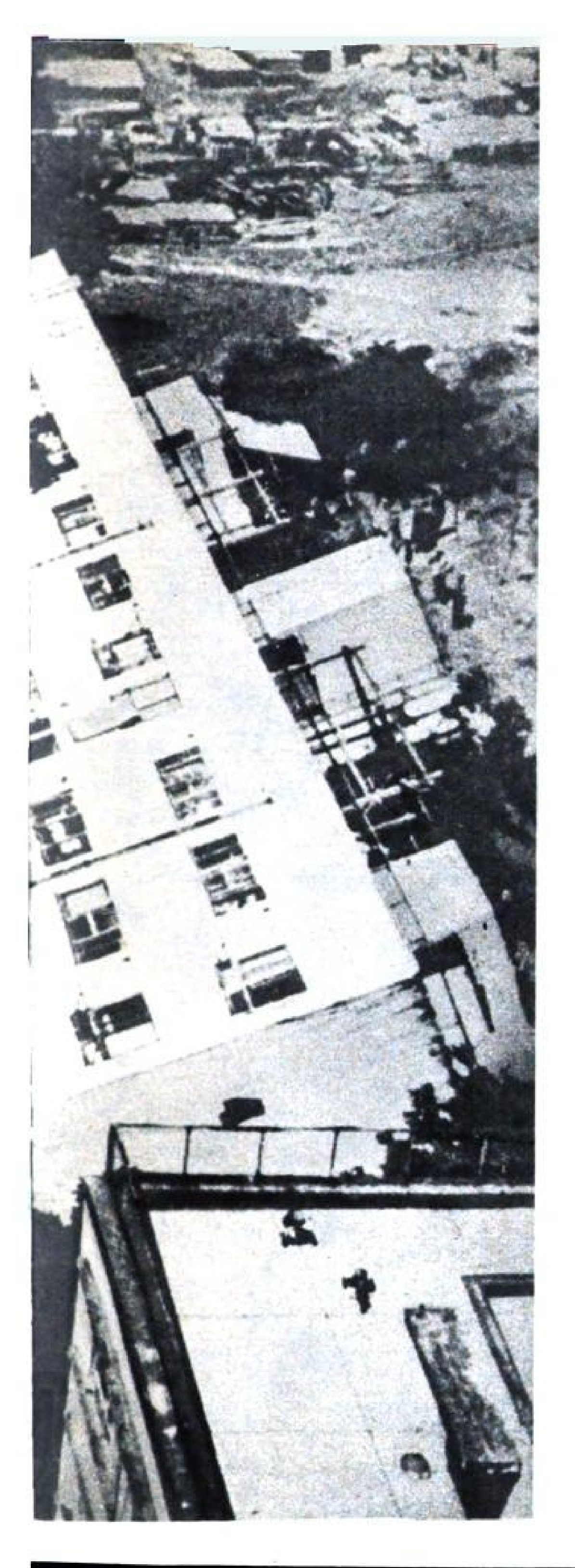
Живет в Каракалпании Урунбай Абдуллаев. Работает с односельчанами на хлопковом поле. Должность Урунбай занимает невысокую — бригадир колхоза имени XXI партсъезда. Но высоты в своем деле берет немалые. В шестьдесят первом году звено У. Абдуллаева вырастило по сорок центнеров хлопка на участке в двадцать пять гектаров, в следующем — тоже сорок, но уже на сорока, а в минувшем — опять сорок, но зато на шестидесяти гектарах. На звено равняются в Турткульском оазисе, о нем часто пишут газеты.

Минувшей осенью Урунбай Абдуллаев взошел еще на одну высоту. Она находится неподалеку от латвийского городка Лудзэ. В годы военные одиннадцать советских солдат стояли здесь насмерть. Взяв высоту «144» у врага, они держали ее две недели, до последнего вздоха...

Гость из Каракалпании долго стоял у мраморного обелиска, на котором высечено одиннадцать фамилий: русская, украинская, киргизская, узбекская... Пятая строчка на мраморе гласит: «Герой Советского Союза Урунбай Абдуллаев».

...Долго искала Золотая Звезда своего владельца, которого числили в погибших. Только три года назад односельчане узнали о подвиге Урунбая, когда его вызвали в Ташкент для вручения награды.

Урунбай вернулся немного смущенный. Любопытным показал регалии, достав из кармана красную коробочку, где они хранились. Вечером Абдуллаев пригласил сосе-

МОГУТ ЛИ РЫБЫ ПРЕДСКАЗЫВАТЬ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ?

Недавно в печати появилось сообщение о любопытной гипотезе профессора Токийского университета Ясуо Суэхиро. Японский ученый предполагает, что обитатели океанских глубин, в том числе и рыбы, способны предсказывать землетрясения. Нередки случаи, когда накануне бедствия глубоководные рыбы всплывали на поверхность. Наш корреспондент Ванда Белецкая попросила прокомментировать это сообщение крупного советского ихтиолога, профессора Т. С. РАССА.

— ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ГИПОТЕЗА ПРОФЕССОРА ЯСУО СУЭХИРО НЕОЖИДАННОСТЬЮ ДЛЯ ИХТИОЛОГОВ?

— Из сообщения в печати явствует, что и для самого автора предположения, к которым он пришел, были несколько неожиданными,— пошутил профессор Расс.— Еще несколько месяцев назад, в конце прошлого года, японский ученый посмеивался над возможностью рыб «предсказывать» землетрясения. Но сейчас он считает, что вопрос о поведении глубоководных рыб накануне землетрясений заслуживает самого серьезного научного исследования. В этом я не могу не согласиться с мнением моего японского коллеги.

Думаю, что предположение Ясуо Суэхиро нельзя считать неожиданностью в полном смысле этого слова. Вот посмотрите...

Профессор показывает нам старую книгу: год издания — 1899-й. Это сообщения американских ихтиологов Джордона и Гилберта: «Рыбы Берингова моря». Читаем: «Шхуной «Аллен», плавающей у берегов Курильских островов, на поверхности моря найдено четыре прекрасных экземпляра глубоководных рыб «топорик», убитых вместе с многими другими землетрясением...»

— Кроме того,— продолжает профессор,— есть сводка о массовой гибели рыб незадолго до землетрясений и во время землетрясений. Напечатана она в «Трудах геологического общества Америки» в 1957 году. Там приводятся случаи, относящиеся к 1849 и 1923 годам.

«Много погибших глубоководных рыб всплыло на поверхность»,— говорится в сводке.

Это было летом 1923 года, тогда же, когда, как сообщает японский ученый, бельгийский ихтиолог-любитель увидел у самого пляжа в Хаяма раздувшуюся на мелководье усатую треску, которая водится только в очень глубоких местах.

— ПОЧЕМУ МАССОВОЙ ГИБЕЛЬЮ РЫБ ЗАИНТЕРЕСОВАЛОСЬ ВДРУГ «ГЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО»?

— Все очень логично,— отвечает Т. С. Расс.— Ведь с подводными землетрясениями связана не только гибель рыб, но и образование новых нефтеносных районов. А это уже — по ведомству геологов.

— ЗНАЧИТ, МОЖНО СЧИТАТЬ, ЧТО РЫБЫ ПРЕДСКАЗЫВАЮТ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ?

— Думается, что буквально говорить о «предсказании» нельзя. Другое дело, что обитатели океанских глубин раньше, чем человек, ощущают начало землетрясения. От нас первые симптомы стихийного бедствия еще скрыты, а в глубинах океана, в среде, окружающей глубоководных рыб, они уже успели проявиться. Иными словами, для рыб, если можно так сказать, землетрясение начинается несколько раньше, чем для людей. Изменение поведения рыб и других животных накануне землетрясения может служить для человека предвестником стихийного бедствия. Пожалуй, можно провести такое сравнение. Все видели, как перед дождем ласточки стелются к земле. Почему? Изменяется давление в атмосфере, и насекомых прибивает ближе к земле. А ласточки охотятся на этих насекомых и поэтому тоже вьются над самой землей. Можно сказать, что ласточки предсказывают дождь? Нет, нельзя. Но по изменению их поведения человек узнает: приближается дождь.

— МОЖНО ЛИ СЧИТАТЬ РЫБ БОЛЕЕ ЧУВСТВИТЕЛЬНЫМИ К КОЛЕБАНИЯМ ЗЕМЛИ, ЧЕМ ЧЕЛОВЕКА?

— Не думаю, чтобы этот вопрос был предметом специального исследования. Мне кажется, все дело в том, что колебания земли передаются через воду. Значит, рыбы первые чувствуют их. Кроме того, любое землетрясение связано с выделением отравляющих газов, вода нагревается. Иногда в глубине даже закипает. Конечно, рыбы чувствуют это раньше человека и бегут от пока еще слабых толчков землетрясения. Куда? Ближе к поверхности моря, где все неприятные симптомы пока выражены слабее.

— А. Е. СВЯТЛОВСКИЙ В СВОЕЙ КНИГЕ О ЦУНАМИ, ИЗДАННОЙ АКАДЕМИЕЙ НАУК СССР В 1957 ГОДУ, ОТМЕЧАЕТ, ЧТО СУЩЕСТВУЮТ ТОНКИЕ, ЧУВСТВИТЕЛЬНЫЕ ПРИБОРЫ, КОТОРЫЕ ПО НИЧТОЖНЫМ КОЛЕБАНИЯМ ВОДЫ ОПРЕДЕЛЯЮТ ПРИБЛИЖЕНИЕ КАТАСТРОФЫ. НЕЛЬЗЯ ЛИ СЧИТАТЬ РЫБ ТАКИМИ ЖЕ «ПРИБОРАМИ» И ПО ИЗМЕНЕНИЮ ИХ ПОВЕДЕНИЯ ДОГАДЫВАТЬСЯ О ПРИБЛИЖАЮЩЕМСЯ БЕДСТВИИ?

— Очень правильный вывод. Думается, ученые должны изучать все симптомы, связанные с приближением землетрясения, если можно так сказать, комплексно. Тут важны не только показания самых чувствительных сейсмографов, но и наблюдения за поведением глубоководных рыб и других животных. В этом смысле гипотеза японского ученого заслуживает самого пристального внимания. Тут, по-моему, будут солидарны все ученые и с удовольствием помогут профессору Ясуо Суэхиро своими наблюдениями.

дей на плов. А утром, запрятав коробочку на дно сундука, заторопился пораньше на хлопковое поле.

Фотокорреспонденту, который приехал вскоре заснять героя, пришлось немало уговаривать Урунбая, пока он достал заветную звездочку.

— Ну чего вы упрямитесь?— кипятился корреспондент.

Абдуллаев хитро улыбнулся.

— А вдруг потеряется? Жалко будет. А у меня золотые запасы пока не так уж велики.

— Неверно, однако, думать, что Урунбай не переменился,— рассказывал мне Каландар Рузимов, работник парткома Турткульского производственного управления. — Он стал требовательней к другим. И много строже к себе. Уверенности в себе у него тоже прибавилось. Но на отношениях с соседями это нисколько не отразилось. Зато на результатах работы звена сказалось здорово.

И Рузимов назвал те цифры, которые я привел вначале.

Вл. КРУПИН

На снимке: разговор, конечно, о хлопке. Его ведут агитатор З. Файзуллаева, инспектор-организатор К. Рузимов и У. Абдуллаев.

Фото Ю. Кривоносова.

МОСКОВСКИЙ ЮБИЛЕЙ ЛУИДЖИ СКУАРЦИНА

Закончился первый акт. Зрители аплодировали, вызывали актеров. И вдруг в зале возникли шум и свист. Возмущенная публика обуздала хулиганов, но спектакль был сорван. Это произошло в 1959 году в римском театре Валле на премьере «Романьолы». Острый сюжет, связанный с героями Сопротивления и проникнутый симпатией к Советскому Союзу, пришелся не по вкусу крайне правым монархистам. Сценическая жизнь спектакля вскоре оборвалась.

Пьеса принадлежала перу Луиджи Скуарцина, известного драматурга, режиссера и театроведа. Это была не первая его пьеса. Большой популярностью пользовалась драма «Всемирная выставка», за которую автор получил премию Грамши — имени создателя Итальянской коммунистической партии.

Видимо, потому, что Луиджи на выборах всегда голосует за коммунистическую партию и его пьесы имеют острую политическую направленность, они редко идут в Италии.

Недавно Луиджи Скуарцина вновь встретился со своей «Романьолой». Случилось это в Москве, во время гастролей Генуэзского театра драмы. Вместе со всей труппой Скуарцина пришел в Театр имени Пушкина и попал прямо на свой юбилей. У москвичей шел 100-й спектакль «Романьолы».

— Спектакль, конечно, совсем не похож на тот, что мы показывали у себя в театре,— говорит автор актерам и режиссеру. — Я ставил пьесу как бытовую реалистическую драму, а мой коллега Борис Равенских создал романтически приподнятую постановку. Но важно, что и тут и там мы говорим о самом для нас главном: пусть война никогда не повторится! Мне нравится ваш спектакль, хотя Равенских многое выкинул из пьесы... Будем считать, что он выбросил все плохое... Я сам режиссер и считаю, что постановщик — полновластный хозяин.

Третий год Скуарцина — художественный руководитель Генуэзского театра драмы. Это один из немногих итальянских театров с постоянной труппой. Здесь свои зрители — большинство их студенты, рабочие, служащие. Лучшие спектакли коллектив показывает во многих городах Италии и за рубежом.

Советскому зрителю генуэзцы показали «Каждый по-своему» Пиранделло и «Венецианские близнецы» Карло Гольдони.

Т. НИКОЛАЕВА

Тренируется чемпион римской олимпиады Олег Григорьев.

Михаил **АЛЕКСАНДРОВ**

Фото А. Бочинина.

Знаете, как играют в шахматы навылет? Тот, кто побеждает, остается за доской, проигравший уступает место следующему.

Русый парень с широкими, слегка покатыми плечами сидит и сидит за доской. Он, кажется, уже выиграл у всех, кто переминается около садовой скамейки в нетерпеливом ожидании очереди. А парень остается за доской. Как выяснилось, у человека крепкий первый разряд. Плюс к тому же самобытность, своя манера наносить удары, где их и не ждешь.

Так играет в шахматы боксер Валерий Попенченко. Он полюбил шахматы давно, в суворовском училище. Живо представляешь себе круглоголового мальчишку, серьезного, увлеченного, пристроившегося где-нибудь на подоконнике: «Еще одну сыграем?» Обделила радостями, едва не смяла парень-ка огромная война. Она взяла отца. Но шестилетнего сироту привели в большой и шумный дом, хорошо накормили, одели: «Живи, расти, не пропадем!»

И мальчик стал жить, хорошо, полно, интересно. Учился в Ленинграде, в военно-морском, служил на пограничном корабле. Косые дожди Балтики, штормы, туманы, недолгие побывки на берегу... И снова книги, чертежная доска, логарифмическая линейка. И белый квадрат ринга.

Помните финал Кубка Европы по боксу? В Москве на ринге Дворца спорта встретились старые соперники и добрые друзья — советские и польские боксеры. Во втором среднем весе боксировали Валерий Попенченко и Тадеуш Валасек. Первый тур этого поединка в Лодзи принес успех польскому мастеру ринга. Сильный, опытный, волевой, он выходил теперь на московский ринг фаворитом. Но Валерий Попенченко, троекратный чемпион страны и чемпион европейского континента, быстрыми финтами совсем запутал соперника, резкими контратаками подавил, точными ударами заставил отступать. Думается, этот волевой и умный бой войдет одним из лучших в историю европейского бокса.

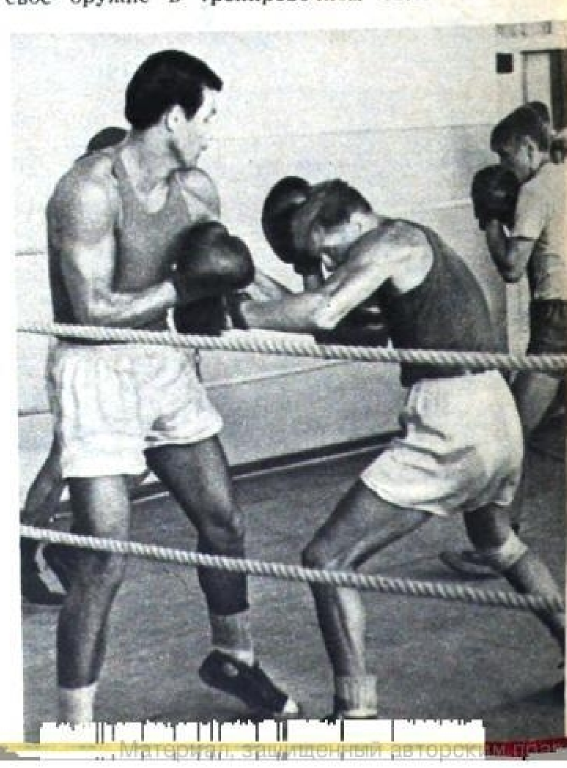
...Отложив в сторону шахматную доску, Валерий Попенченко говорит, что перед ним две задачи: попасть на олимпийский ринг в Токио — кто же из спортсменов сегодня не озабочен этим — и защитить диссертацию, стать кандидатом технических наук.

* * *

Готовятся к Токио советские боксеры. У них немало сложных проблем. Внутренних и внешних. Нет сомнений, что в Токио должны ехать сильнейшие. Но кто они, эти сильнейшие?

В каждой из десяти весовых категорий есть минимум по три

Виктор Агеев (слева) — мастер контратак и маневра. Снова проверяет он свое оружие в тренировочном бою.

ГОНГ ЗОВЕТ

или четыре достойных претендента. Сумеет ли молодой Станислав Сорокин преодолеть тонкое мастерство расчетливого и зоркого, все понимающего ветерана Виктора Быстрова, или тот по-прежнему докажет, что молодость — еще не все, когда речь идет о высших достижениях? Чем на сей раз кончится нерешенный спор о первенстве между чемпионом римской олимпиады Олегом Григорьевым и динамичным, крепким Сергеем Сивко? Докажет ли чемпион Европы Станислав Степашкин, что право его на поездку в Токио бесспорно, или чемпион мельбурнской олимпиады Владимир Сафронов опровергнет его притязания?

Борис Никаноров, или Леонид Гончаров, или Веллингтон Баранников? А кому отдать предпочтение в ровной по составу категории первого полусреднего веса, в котором собрались молодые мастера Евгений и Валерий Фроловы, Евгений Шерстнев, Владимир Кириллов и Юрий Поляков?

Придется на ринге так же, как и в шахматах, играя навылет, решать, кто лучший, равный по силам и зрелому мастерству боксерам Ричарду Томулису — воспитаннику Альгердаса Шоцикаса, Алоизу Туминьшу, Владимиру Трепше, Борису Курочкину. Напряженные предстоят поединки между Борисом Логутиным, Виктором Агеевым, Иваном Соболевым.

Ближайшим своим соперником считает Валерий Попенченко рижанина Стасиса Струмкиса, боксера волевого, смелого, сильного. Крайне интересен будет матч между нашими полутяжеловесами — темпераментным темповиком Даном Поздняком и спокойным, выдержанным Алексеем Киселевым.

Наконец, тяжеловесы. Здесь собралась хорошая компания. Старательно тренируется мощный Андрей Абрамов, намереваясь доказать, что его, трехкратного европейского чемпиона, рановато отправлять в резерв после досадного проигрыша на последнем чемпионате Европы. Рядом нетерпеливо постукивает перчаткой о перчатку молодой, быстрый Вадим Емельянов, герой финальных боев Кубка Европы, и к ним зорко присматривается Александр Изосимов, призер последней спартакиады...

Проблема единственного опасна. Проблема лучшего из равных отлична. Ее решит предстоящее в Хабаровске первенство страны, самое, пожалуй, захватывающее и значительное. Конечно, может случиться и так, что совсем другие имена появятся в результате этого чемпионата в списке наших боксеров-олимпийцев. Ринг покажет. В таком большом соревновании не бывает и не может быть случайностей.

Но что же ждет наших боксеров в Токио? Если верить мировой спортивной печати, советским мастерам ринга почти не оставлено призовых мест! Ходят слухи, что американские боксеры намерены завоевать четыре или пять золотых медалей, причем в тех весовых категориях, в которых этого от них никак не ожидают. Говорят, итальянские мастера твердо надеются на два или три первых места. Утверждают, что хозяева Олимпийских игр, японские боксеры, рассчитывают на высший успех в легких весах. Знатоки считают, что сильных мастеров привезут в Токио команды Англии, ФРГ, Финляндии... А наши ближайшие соперники-друзья, боксеры стран народной демократии? Достаточно назвать румын Пуйю, Моню, Негрю, поляков Валасека, Петшиковского, чтобы представить себе обоснованность их притязаний на олимпийские высоты.

Да, тесно будет на олимпийском ринге. Проигравший выбывает. Таков закон Олимпийских игр. Нам, конечно, хотелось бы видеть всю нашу десятку мастеров кожаной перчатки на самой вершине олимпийской крутизны. Пусть каждый из них действует на ринге, как аспирант Валерий Попенченко за шахматной доской.

Будет трудно. Об этом надо думать, вспоминая для вящей пользы Хельсинки, Мельбурн, Рим.

Борис Логутин любит легкую атлетику!

Веллингтон Баранников знает что штанга — друг боксера.

Валерий Попенченко еще и теннисист...

Вадим Емельянов. Мощно, ровно работает сердце спортсмена. Все в порядке!

Вл. ВОРОНОВ

Н. ФЕШИН. Автопортрет. 1921.

Судьба Николая Фешина

В 1926 году на вопрос, кто из современных живописцев России наиболее талантлив, Илья Ефимович Репин коротко ответил: Фешин.

Летом двадцать третьего года Николай Иванович Фешин уезжал в Соединенные Штаты Америки — с женой и маленькой дочерью Ией. На московском вокзале их провожал ученик Фешина — Модоров. Фешин говорил, что через пять лет он вернется в Россию, в свою Казань. Накануне отъезда из родного города художник провел весь вечер у своего друга Тришевского, был мрачен, более чем обычно, молчалив. Сказал только, что его вынуждают уехать голод и туберкулез.

Фешин многого не знал, уезжая из России. Не знал и того, что его жена, Александра Николаевна Белькович, дочь известного казанского мецената, еще находясь в Казани, списалась с американским угольным магнатом Стиммелем, который до революции скупал картины Фешина на международных художественных выставках в Европе и Америке. Лишь приехав в Нью-Йорк, художник понял, что попал в жестокую финансовую кабалу, и почти четыре года работы в маленькой комнатке над Центральным парком ушли на оплату счетов по долгам жены.

Прошло пять лет, а он не вернулся в Россию. Прошло десять, двадцать и тридцать лет. 5 октября 1955 года телеграфистка Лос-Анжелоса отстучала сухое сообщение: в возрасте 74 лет от роду умер русский художник Николай Фешин.

Он так и не вернулся в Казань, которую любил сыновней любовью. Любил белокаменный кремль, раскинувшийся на приволжских кручах, знаменитую башню Сююмбек казанские улицы, разбежавшиеся вверх и вниз по прибрежным холмам, любил Волгу, заречные леса с озерами.

Здесь прошли лучшие его годы. Мальчишкой вместе с отцовской артелью резчиков по дереву и позолотчиков Николай отправлялся в ближние и дальние села, помогал ставить там иконостасы, выполнял всякую резную работу. Добрая молва об артели Ивана Фешина ходила по казанскому краю: работали мастерски и на совесть. Именно отец был первым наставником Фешина в искусстве.

Отец поощрял занятия сына рисованием, деревянной резьбой и мечтал отдать мальчишку в учение к иконописцу. В 1895 году, когда Николай завершал свое начальное образование, в Казани открылась художественная школа, и Фешин пошел туда. Он немного занимался науками, помня наказ докторов: не переутомляться (в трехлетнем возрасте он перенес тяжелое воспаление головного мозга). Зато со всей страстью четырнадцатилетний юноша отдался искусству, тут он не помнил ни о каких наказах. Очень скоро Казанская художественная школа стала образцовым учебным заведением, она подчинялась непосредственно петербургской Академии художеств. Рекомендация школы ценилась в столице, и когда Фешин в 1901 году приехал в Петербург, его приняли вольнослушателем академии.

Восемь лет академического учения отмечены многими событиями. В 1905 году небольшой холст Фешина «Случайная жертва» был удален с выставки как революционное произведение; художник создает эскиз «Усмирили»; в журналах «Адская почта» и «Леший» появляются десятки фешинских рисунков с натуры.

Академия научила его строгому рисунку, она познакомила его также с новейшими живописными исканиями художников, хотя многое в этих исканиях Фешин отвергал. Лучшей мастерской в академии тех лет была мастерская И. Репина. Правда, и там, по словам Фешина, «свежи были традиции Малявина и все увлекались широким, ничего не говорящим мазком. Репин острил по этому поводу, говоря, что все решили перепрыгнуть через самих себя». Гораздо важнее было другое — непосредственное общение с великим художником и его талантливыми учениками. Фешин всегда с удовольствием и признательностью вспоминал, как тепло, доброжелательно относился к нему Репин.

В последние годы академического учения Фешин всерьез задумался о собственном живописном языке. Николаю Ивановичу претила гладкая, «подносная» живопись; отрицал он и буйную малявинскую кисть и приглаженность миниатюр Сомова и Бенуа; привлекала его виртуозность живописи Валентина Серова, никогда не забывавшего о главном — о смысле своих полотен. Фешин подолгу вглядывался в некоторые поздние портреты своего учителя — Репина. Эти истоки знаменитой фешинской живописи впервые отметил П. Дульский, автор очерка о казанском художнике, изданного в 1921 году.

И вскоре о Фешине заговорили. На Весенней академической выставке 1908 года появились две вещи молодого академиста: «Черемисская свадьба» и «Дама в лиловом». В них обрело свои зрелые формы дарование Фешина; эти два произведения положили начало мировой славе художника. За «Свадьбу» он получил премию имени А. Куинджи, а «Даму в лиловом» купил музей Академии художеств. Русская критика отмечала работы Фешина как самые интересные на той выставке. Позднее показанные в Мюнхене и Питсбурге (США), эти произведения казанского художника неизменно оказывались в центре внимания критики.

Художник стремится закрепить свои первые успехи, тем более что следующий, 1909 год был завершающим в его академическом учении. Конкурсной картиной Фешина на звание художника стала бытовая композиция «Капустница», за которую он был удостоен командировки за границу.

«Черемисская свадьба» и «Капустница» знакомят с миром дореволюционной российской деревни, с ее обрядами и трудовым ритмом, с ее непритязательными радостями и нелегким житьем. По существу, этому же посвящена и незаконченная картина «Обливание», находящаяся в Казанском музее изобразительных искусств.

По обычаю, в засушливый месяц, ближе к троицыну дню, у деревенского колодца обливают студеной водой каждого проходящего. По народному поверью, такое действо ускоряло приближение дождя. «Обливание» поражает естественностью и живостью композиции. Тут и здоровый бородач, окативший ледяной водой ошалевшую молодайку; орущая девка в красном платье; двое мальчишек, с упоением качающие воду, и младенец, изошедший криком на руках девчонки... Слева на все это со смехом смотрит старуха. Особенно выразительна дрожащая девчонка с мокрыми волосами, она стоит на цыпочках и трясется от холода... Картина полна движения, крика, смеха, визга, шума расплескиваемой воды...

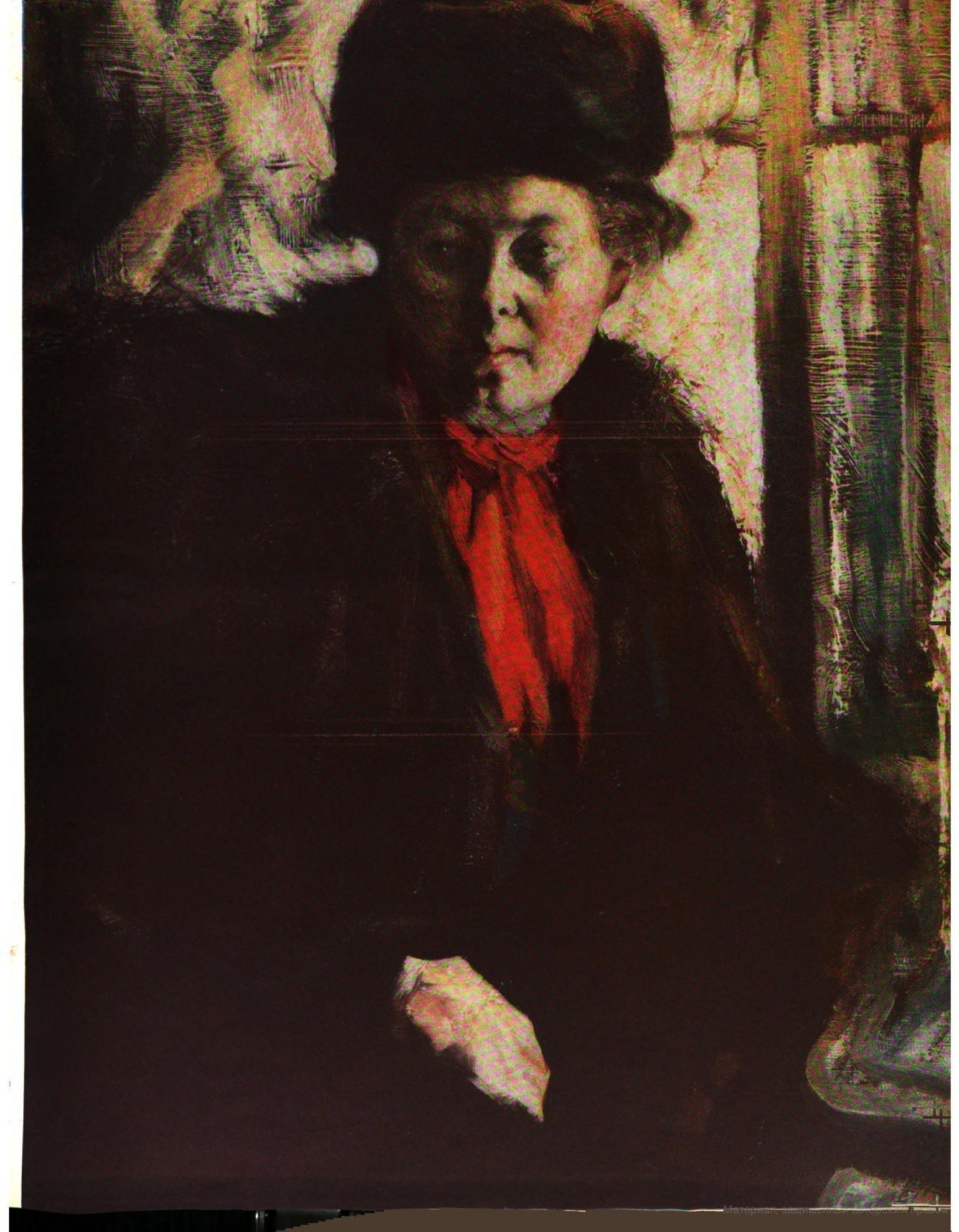
Странное ощущение появляется при взгляде на фешинские картины: они вроде бы изображают веселые сцены из жизни деревни, но не покидает зрителя чувство убогости этой деревенской жизни. Недаром критики увидели в первых полотнах Фешина правду о тогдашней российской деревне.

Окончив академию в звании художника, Фешин вернулся в Казань осенью 1909 года. Затем Николай Иванович едет в Италию, Австрию, Германию, Испанию, добирается до Франции и в Париже заболевает тоской по родине. Он изучает шедевры мировой живописи и спешит, прервав командировку, в Казань, чтобы успеть к началу учебного года в художественной школе, где он утвержден штатным преподавателем.

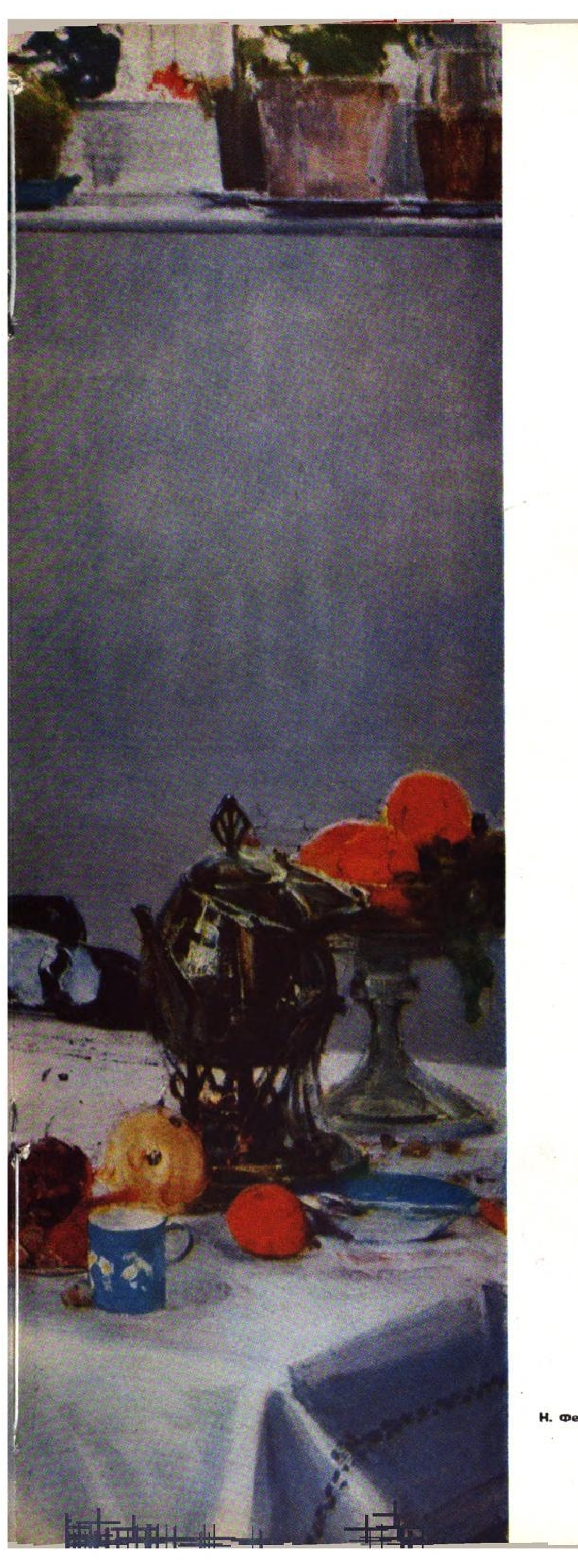
Пятнадцать лет назад вступивший в нее робким учеником, Фешин возвращается в школу зрелым мастером, умелым педагогом. Он принес ученикам высокую академическую культуру рисунка, педагогическую систему Ильи Ефимовича Репина и Павла Петровича Чистякова.

За десять лет преподавания Николай Фешин воспитал группу талантливых художников, много сделавших потом в советском искусстве; среди

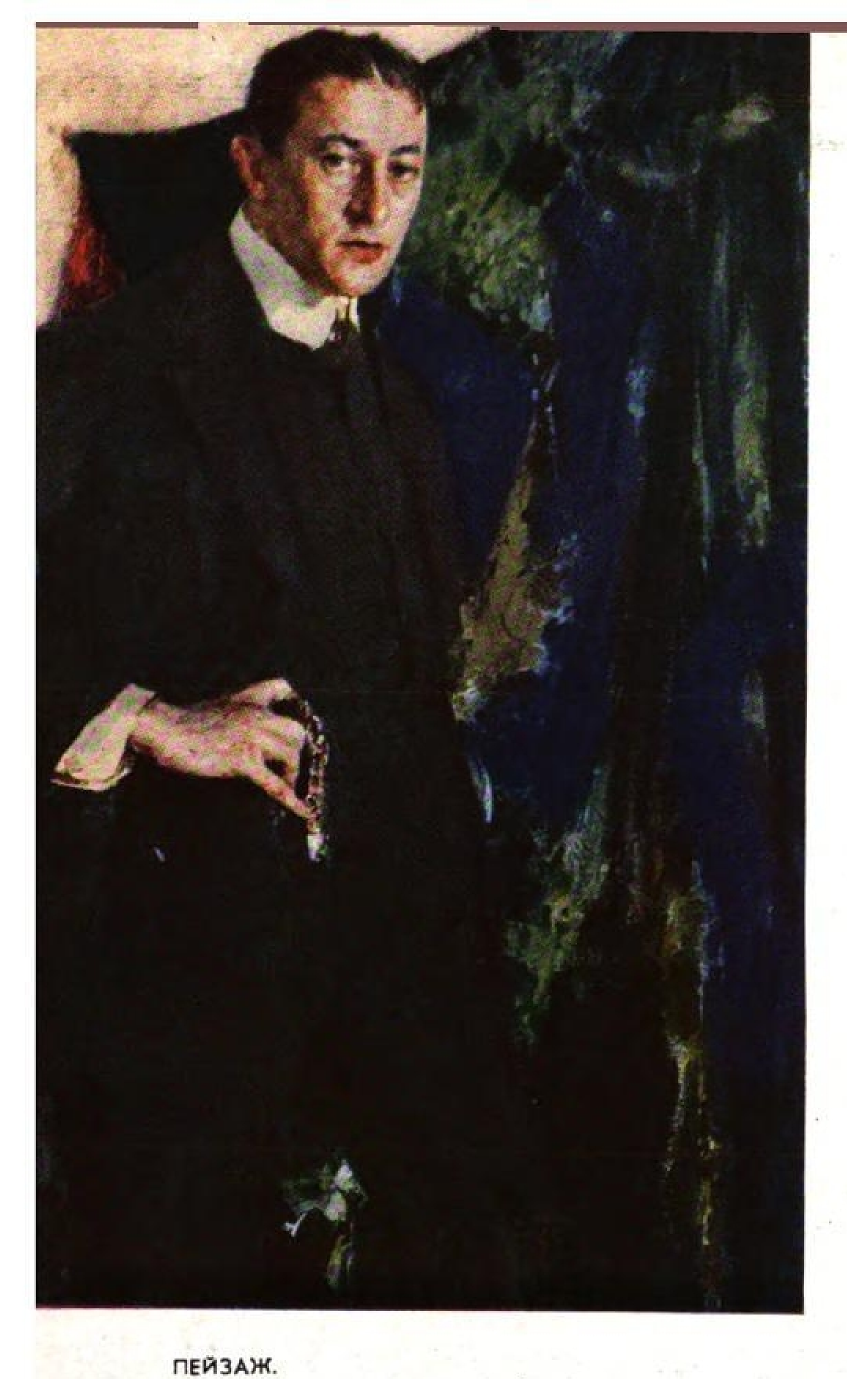
Н. Фешин (1881—1955). ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ.
Куйбышевский городской художественный музей.

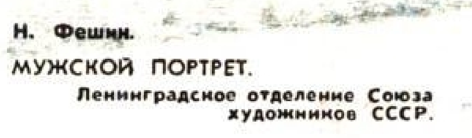

Н. Фешин. ПОРТРЕТ ВАРИ АДОРАТСКОЙ. 1914 год.

Н. Фешин.

МУЖСКОЙ ПОРТРЕТ.

Ленинградское отделение Союза художников СССР.

ЖЕНЩИНА В НАЦИОНАЛЬНОМ НАРЯДЕ.

ПЕЙЗАЖ.

них имена заслуженных мастеров-педагогов П. Котова, Ф. Модорова, П. Христенко, Н. Сверчкова, М. Спиридонова.

Высокий, подтянутый, всегда гладко выбритый, Фешин появлялся в классах с неизменной сигаретой в зубах и кожаным портсигаром на ремешке, перекинутом через плечо. Немногословный, он молча переходил от одного мольберта к другому, особенно внимательно приглядывался к новым ученикам и, если замечал проблески дарования, подходил и со словами «А у вас, по-моему, не худо» брал карандаш или кисть и энергично, резко поправлял рисунок. Любил поставить свой мольберт рядом с ученическими и вместе с молодыми писать того же натурщика. Это был лучший, наглядный метод обучения.

Вечерами засиживались в мастерской, часами говорили об искусстве. Здесь, в дружеском кругу, среди близких учеников, Фешин словно преображался, от прежней молчаливости не оставалось и следа: художник шутил, рассказывал о своих встречах и поездках... Не раз вспоминал о выдающихся русских портретистах — Крамском, Репине, Серове; из западных мастеров советовал учиться у Гольбейна, Рембрандта, Франца Гальса.

Такая ориентация могла выглядеть в те годы несколько устаревшей; трудное и сложное десятилетие между двумя революциями в России отмечено ожесточенной борьбой реалистов и модернистов.

Дягилев и Философов высокомерно вещали о смерти передвижников и всего реалистического искусства. Малевич самонадеянно полагал, что своим «Черным квадратом» он убил искусство.

А в это время Николай Иванович Фешин говорил своим ученикам о модернистах: «Их не слушайте и не поворачивайте с единственного правильного пути — это все мода. Вот носят узкие юбки, а потом будут носить широкие; не для того вы учитесь, чтобы идти по ложной дороге».

И своим творчеством Фешин доказывал, что́ есть подлинное в искусстве.

За несколько лет после окончания академии Фешин создал серию великолепных портретов.

Когда находишься среди фешинских портретов, чувствуешь на себе десятки внимательных, перекрещивающихся взглядов. Вы пытаетесь стряхнуть это ощущение, но напрасно: на вас смотрят, будто требуют разобраться в чем-то очень важном.

Глубокий, немного отчужденный, колючий взгляд архитектора Абрамычева; доверчивый, чем-то настороженный, словно боится, что не встретит взаимного понимания, взгляд огромных, влажных глаз М. Евлампиевой; корректный, суховато-бесстрастный — у петербургского художника В. Тихова, и рядом пресыщенный, чуть усталый, с горьковатой улыбкой взгляд из-под полуопущенных ресниц m-lle Подбельской... Портреты людей одного, очень трудного российского десятилетия. В их глазах застыл большой вопрос, на который они не в силах ответить: «Для чего мы живем?» Не менее выразительны в портретах Фешина руки; почти в каждом его портрете руки говорят о людях не меньше, чем лица. Этим трудным искусством Фешин владел в совершенстве.

В 1914 году Фешин создает одну из лучших своих работ, портрет Вари Адоратской, дочери известного деятеля большевистской партии.

Чистейшая перламутровая живопись, завершенная реалистическая форма привлекают в этом произведении. По своей мягкой, изысканной гармоничности портрет Вари Адоратской может быть поставлен рядом с такими жемчужинами русской живописи, как репинская «Стрекоза» или серовская «Девочка с персиками».

Глядя на его сияющую живопись, нервный, прерывистый мазок, шероховато-зернистую поверхность красочного слоя, убеждаешься, что техника никогда не была для художника самодовлеющей. Вот почему Фешин не любил единообразной манеры, применяемой во всех случаях. Когда нужно, он лессирует, накладывает один тончайший слой на другой, не хуже испанцев или итальянцев XVII века. Когда нужно, Фешин работает широчайшим мазком, используя свечение и фактуру белого холста. Художник умеет найти бесконечное число оттенков белого или черного цвета. Он любил пользоваться мастехином, техникой, называемой «ножом с палитры».

В 1916 году Академия художеств присвоила Фешину звание академика живописи. И почти одновременно его принимают в Товарищество передвижных художественных выставок, в котором Николай Иванович состоял экспонентом уже четыре года. Фешин мечтает о строительстве Казанской академии художеств; он составляет подробный проект здания, которое сообщается длинной галереей с художественной школой: окончившие ее переходят в здание академии. Фешин составляет смету, докладывает на заседании преподавателей школы о своем проекте и все бумаги посылает в Петроград... Приближался семнадцатый год.

Октябрьская революция вывела искусство на улицу и сделала его подлинным достоянием народа. Революционная власть Казани заказывает Фешину портреты Ленина, Луначарского. К первомайской демонстрации 1918 года в Казани Фешин создал большой живописный портрет Карла Маркса. Где только не побывал этот портрет: его видели на многих уличных митингах, в залах конференций и съездов. Маркс изображен во весь рост; он стоит, облокотившись у конторки. И опять, как во многих фешинских портретах, очень важны руки, тонкие, интеллигентные руки ученого.

Этот портрет не только памятник молодого советского искусства и лучшее (до сих пор) живописное изображение Маркса, но и памятник бурных революционных дней Казани восемнадцатого года.

Пожелтевшие газетные страницы доносят через десятилетия пульс казанской жизни тех лет... «Знамя революции», 1918 год... Приказы реввоенсовета, сообщения продовольственной думы о тридцатифунтовой месячной норме хлеба на едока, о реквизиции денег...

И рядом — хроника: «Бедственное положение художественной школы». Она работала с перерывами. В классах растапливали «буржуйку», ставили около нее натурщика, писали в шубах и валенках. Раза два в неделю наезжал из Васильева, деревни под Казанью, Фешин. Одновременно он преподавал в красноармейской художественной студии при штабе V Красной Армии.

В 1922 году Николай Фешин заболел: после сыпного тифа, в результате недоедания, истощения — вспышка туберкулеза. Тогда-то американские поклонники таланта художника и начали переговоры о его отъезде в Соединенные Штаты...

По натуре своей необщительный, Фешин на чужбине совсем замкнулся в себе. Для него и Казань была шумным городом; поэтому, попав в Нью-Йорк, Николай Фешин почувствовал себя оглушенным, ошеломленным. Его пригласили преподавать живопись в нью-йоркской академии искусств при «Гранд-централь галлери». Больше месяца Фешин не выдержал, бросил. Потом он рассказывал Марии Никифоровне Бурлюк про своих предприимчивых американских учеников: «Они удовлетворяются самыми поверхностными эффектами. Они требуют, чтобы я брал кисть и поправлял их работы, затем берут этюды и к ним больше не притрагиваются, подписав их своими фамилиями».

В феврале 1926 года Фешина свалил новый приступ туберкулеза, врачи рекомендовали ему сухой, солнечный климат — городок Таос.

Маленькая точка на карте Западной Америки, Таос выразительно описан Ильфом и Петровым в «Одноэтажной Америке» как типичный американский городок, на центральной площади которого красуется антикварно-ресторанное заведение «Дон Фернандо». В середине тридцатых годов город насчитывал две тысячи обитателей, из них около двухсот человек — люди искусства; они писали картины, сочиняли стихи, создавали симфонии, что-то ваяли. «Сюда манит их обстановка: дикость природы, стык трех культур — индейской, мексиканской и пионерской американской,— а также дешевизна жизни». Там у дона Фернандо Ильф и Петров встретились с мадам Фешиной. Она рассказывала грустную историю своего замужества, как они с мужем построили в Таосе замечательный дом, а «когда дом был готов,— разошлись. Оказалось, что всю жизнь напрасно жили вместе, что они вовсе не подходят друг другу».

Александра Николаевна Фешина наговаривала на своего бывшего мужа; о многом она просто умолчала, желая разжалобить собеседников (в общем, ей это удалось).

Вот что писал о жене Фешин в 1936 году своему брату, Павлу Ивановичу Фешину:

«Увлеклась одним поэтом, сама захотела быть писательницей. Ты знаешь ее взбалмошный характер, поставила все вверх дном. Изломала мне жизнь, не шутка, проживши с человеком больше 20 лет, начинать строить жизнь сначала. Было нестерпимо больно. Конечно, при разводе она взяла все ценное, что было приобретено мной здесь, в Америке, и мы теперь с Ийкой настоящие бездомные бродяги. Исковеркала и нам и себе жизнь и мается теперь, стараясь доказать и себе и всем, что она великий гений... Все эти переживания состарили меня по крайней мере на 10 лет, зато я приобрел свободу и, может статься, когда-нибудь соберусь навестить Россию и поглядеть на вас... Ия, так привязанная к матери раньше, теперь потеряла к ней дружбу, привязана ко мне и живет со мной. Решила быть танцовщицей...»

Фешин с дочерью перебрался в Лос-Анжелос, в Калифорнию, с ее пальмовыми, апельсиновыми, лимонными рощами и вечноголубым небом. Перед самой войной Фешин совершил путешествие по Азии — побывал в Японии, Индии, Индонезии, покрыл около 20 тысяч миль. Больше месяца жил на острове Бали, наблюдая быт островитян.

И везде — на индейских землях, в горах Таоса, в Индии и Японии, в Калифорнии и на острове Бали — Фешин создает красочные полотна, портреты, пейзажи.

Успех сопровождал его всю жизнь; выставки произведений Фешина вызывали восторженные отклики в печати. Американцы писали: «Если вы хотите видеть чудо, идите на выставку Фешина».

Живя долгие годы в Соединенных Штатах, Фешин ничего не перенял от заокеанского образа жизни; он остался русским художником, глубоко осознавшим свое призвание, требовательным к себе.

В письмах Николая Фешина к брату постоянно слышится глухая тоска по родине. Он хочет знать, как строится новая жизнь в России, каково положение в искусстве. В 1946 году Фешин писал: «Величайший подвиг совершили вы все на моей родине, и за это вам хвала и честь».

Он мечтал еще раз увидеть Волгу, «почувствовать себя опять на родине». За два месяца до кончины, в августе 1955 года, Фешин замечает: «Как будто бы политическая погода изменилась, повеяло весной, люди устали думать о войне и пробуют найти выход к миру». Старый художник приходит к горькому для себя выводу:

«За последнее время я часто думаю о прожитом и прихожу к заключению, что люди искусства не должны покидать своей страны, что бы то ни случилось с ней. Весь духовный фундамент человека закладывается с самого детства и растет вместе с окружающим до самого конца. В чужой стране он только существует физически, находясь в постоянном одиночестве... Одно утешение, что судьба поделила мою жизнь между двумя великими народами...»

Снова и снова возвращается Фешин в мыслях своих к Казани. «Нужно, чтобы наша родная Казань не забыла нас»,— говорил он друзьям.

Казань не забыла Фешина. Правительство Советской Татарии помогло работникам республиканского Музея изобразительных искусств во главе с директором музея Г. А. Могильниковой организовать большую выставку произведений своего талантливого земляка.

На выставку повалила вся Казань, стар и млад. Ощущение праздничности светилось на лице каждого посетителя фешинской выставки — так бывает в общении с настоящим искусством. Тут же, в зале, возвышался мраморный портрет художника, вырубленный Сергеем Коненковым. Скульптор изобразил Фешина в порыве вдохновения, с торжествующей улыбкой...

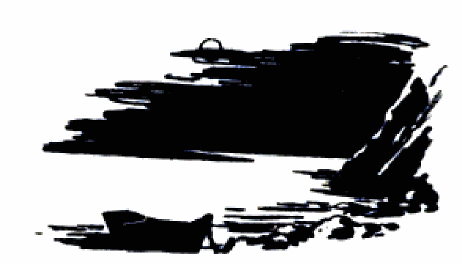
Владимир ФИРСОВ

Рисунки Г. Ушакова.

Чистые родники

■

Тишина над тихим Доном.
Тишина...
Только слышно, как в затонах
Плещется луна.
Только на́ берег сыпучий
Набежит волна.
И опять стоит на круче
Тишина...
Над великою рекою
Я, склоняясь, пью,
Тихо черпая рукою
Лунную струю.
И вода в моих ладонях
Призрачно легка,
Как росиночка,
Что тонет
В чашечке цветка...
Пахнет ночь
Арбузом спелым,
Молодым вином,
Пахнет
Песнею неспетой,
Непришедшим сном.

Баня

Александру Решетову

Встречая первый день весны,
Идут в натопленные бани
Словоохотливые бабы
И мужики-говоруны...
И каменки накалены.
Шуршит в предбанниках солома.
И ты
За сотни верст от дома
Встречаешь первый день весны...
От пара в бане синева.
В твоих руках хрустящий веник.
Здесь за него не платят денег,
Поскольку это не Москва,
Поскольку здесь не Сандуны,
Куда приходят от безделья
Апологеты старины
И жертвы горького похмелья.
Под прокопченный потолок,
Как на жаровню,
Лезь на полку.
И ахай, охай без умолку,
Стегайся
Вдоль и поперек!
Терпи!..
Когда невмоготу,
Омой лицо водой прохладной.
А если скажут:
— Ну, да ладно!..—
Слезай
И подводи черту.
Пойди в предбанник.
Покури.
С соседом перемолвься словом.
Поздравь его с весной,
Ну, словом,
О чем-нибудь поговори.
И снова в баню.
Снова жары!
И снова ахай,
Снова охай!

Гордись ракетною эпохой,
Но веник, братец, уважай!
Березовый.
Листок в листок.
Ты чувствуешь, как он стегает.
Ты невесом,
Ты, как Гагарин,
Проходишь звездный потолок.
Пестрит космическая тишь,
И ты, путем летящий Млечным,
Становишься таким беспечным,
Что на пол
С грохотом.
Летишь!..
А в бане хохот.
Мужики
Грохочут шайками.
— Гляди-ка,
Упал без паники и крика,
Знать, москвичи не слабаки...
Живой?
Ну отдохни, сынок,
Дай кости старикам попарить...
И кто-то сверху крикнет:
— Парень,
А ну, поддай еще чуток!..
И ты, не торопясь, плеснешь
На каменку
Ковшом помятым.
И выйдешь как-то виновато
И сразу целый мир вдохнешь.
Услышишь, как капель поет,
И будешь в мыслях улыбаться,
Что твой космический полет,
Конечно, сможет состояться!

■

Ты мне опять о море да о море.
А я тебя
Зову в леса, в поля.
Мне тоже море нравится,
не спорю,
Но как-то ближе отчая земля.
Там я богат.
Там для меня планета
Со всем ее величием пошла
От ручейка,
В котором много света.
И потому планета так светла...
Найди и ты ручей звонкоголосый,
Уйди от суетливой пустоты.
Но ты не ищешь,
Только смотришь косо
И к морю убегаешь, как в кусты.
Боюсь, что ты, как снег весной,
растаешь.
Растаешь — не останется следа.
Не будучи ручьем,
Рекой не станешь
И моря
Не увидишь никогда.
Не тем ручьем,
Что в ливень
На асфальте
У сточной ямы прекращает путь.
А тем, лесным,
Где радужная смальта
Трепещет и колышется чуть-
чуть,—
Живым ручьем,
Где в полдень под камнями
Блаженствуют рябые пескари,
Таким ручьем,
В котором бьется пламя
Песчинками негаснущей зари...
Наперекор безудержному зною
Бежит ручей — дорога далека.
Его с прозрачной, чистою водою
Речушка встретит, а потом река.
А там ему рукой подать до моря,
До Черного, где ты гостишь
всегда.
Мне тоже море нравится, не
спорю,
Ведь в нем и моего ручья вода...
И ты напрасно сразу стать
мечтаешь
Тем самым морем: это не легко.
Боюсь, что ты
И ручейком не станешь
За неименьем чистых родников.

■

Тебя любить мне велено судьбой.
И я люблю.
За что, и сам не знаю.
За то ли, что ты самая родная,
За то ль, что все наполнено тобой,
Одной тобой...
Вот близится весна.
И в ней твое дыхание почуя,
Спать не могу.
Навстречу ей лечу я
И не хочу ни отдыха, ни сна...
Пусть до весны немало зимних
дней,
Я чувствую, как солнце землю
греет,
Оно ведь стало ярче и добрее
От бесконечной доброты твоей.
Ты делишь с небом синеву очей,
Смеешься над усталою поземкой.
И голосом твоим
Однажды
Громко
Заговорит проснувшийся ручей.
Да, ты весне отдашь свое тепло.
И вмиг
Снега холодные растают,
Вернутся с юга жаворонков стаи,
Подснежники
Повыглянут светло.
И как-то в мае
Грянет соловей,
Чтоб знали люди в городе и
в поле,
Что вся весна твоей подвластна
воле,
Что он поет
По воле по твоей!

Снег

Снова падает снег.
Ну, и пусть себе падает.
Пусть идет человек,
Может, где-то его и порадуют.

Пусть идет человек
По тропинке неторенной.
Продолжается век.
Продолжается наша история.

Как безлюдно вокруг
На заснеженных улицах!..
Может, это наш друг —
Человек, что идет и сутулится?

Может, это ваш друг,
Люди милые, спящие?
Погодите,
А вдруг
С ним случится беда настоящая?!

Да проснитесь же вы,
Позабыв равнодушие!
И огнями Москвы
Осветите дорогу идущему.
И огнями Москвы
И сердцами горячими...

Ах, как жалко, что вы,
К сожалению, спите, незрячие!..

Он вернется назад!
Пусть его не касается,
Что снежинки летят
И, холодные, сердца касаются.

Незаживающие раны

И на рентгеновских экранах
Они, конечно, не видны —
Незаживающие раны,
Беда и боль моей страны...
В календарях мелькают даты
Не поражений, а побед...
Порой не помним о солдатах,
О тех, кого на свете нет,
О тех,
Кто стал сырой землею,
Травой могильной и жнивьем.
Они, земли моей герои,
Мертвы...
А мы с тобой живем.
Живем, как все на этом свете,
Не зная за собой вины,
Порой забыв,
Что мы в ответе
За прошлое своей страны.
Порой не помним об утратах,
Не чтим могильные холмы...
А каково живым солдатам?
Их тоже забываем мы.
Да, это правда.
Я-то знаю.
И всякий подтвердить готов:
Мы лишь за чаркой вспоминаем
О мужестве живых отцов.
Мы вспоминаем их награды,
Медали их и ордена.
А кто-то говорит:
— Не надо!
Она давно была, война...
А вы себе на миг представьте,
Вы, незнакомые с войной,
Как плачут, уходя в отставку,
Исполнив долг перед страной,
Как плачут старые солдаты,
Как, покидая этот свет,
Они нам оставляют даты
Былых немеркнущих побед.
И звук «Интернационала»
Плывет за гробом в тишине...
И понимаем мы,
Как мало
Нам рассказали о войне.

...эпад

Я к нему подойду,
Им самим не замеченный.
Я беду отведу
И скажу,
Что печалиться нечего.

Я ему расскажу
О далекой Смоленщине.
Дом ему покажу,
Где живет беспокойная женщина.

Я ему покажу
Окна светлые, ждущие.
Я его провожу —
Человека, по снегу идущего.

Он сумеет найти
Дверь, звонок к этой женщине...

— Вот и я.
Ты прости.
Я сегодня бродил по Смоленщине.

НА ЮГЕ АФРИКИ

Здание суда в Претории, где происходила расправа над Нельсоном Манделой и его соратниками, охраняли полицейские и собаки.

Народ ЮАР против расизма и расистов. «Мы гордимся своими лидерами» — так было написано на одном из плакатов во время демонстрации у здания суда. ↓

Н. МАКАРОВ

Фото автора и ЮПИ.

Все чаще и чаще газеты сообщают о бурных выступлениях против расизма в Южно-Африканской Республике, о репрессиях, которые обрушивают расисты на патриотов ЮАР. Грáницы африканской революции передвинулись на юг.

Мир возмущен варварским режимом в ЮАР, мир поддерживает мужественных борцов за свободу. Недавно в Претории состоялся суд над группой борцов против расизма. Он приговорил Нельсона Манделу и его семерых товарищей к пожизненному заключению. По всей Южно-Африканской Республике, по многим странам мира прокатилась волна протеста против нового преступления расистов.

Для меня строки сообщений из Южной Африки не просто газетная информация: мне довелось побывать там. Поэтому за каждой строкой в моей памяти возникают образы, живые картины, события.

* * *

Дурбан называют городом садов и парков. Действительно, на окраинах и в центре города много парков, цветников, скверов. Тенистые аллеи так и манят к себе прохладой.

«Только для белых» — эта надпись на блестящих эмалированных табличках встречается здесь всюду, даже на садовых скамейках.

То же самое у входа в церковь, над кассой кино, над дверью туалетной комнаты.

В Дурбане на центральной площади есть стоянка рикш. Ремесло рикши здесь — «привилегия» зулусов. На стоянке довольно много повозок — 20—25, но работы мало. За 1—2 шиллинга рикша готов обежать все холмы Дурбана.

Коляска на велосипедных колесах приспособлена для перевозки двух пассажиров. Оглобли и спицы украшены яркими лоскутками материи. Сам рикша одет в нелепую яркую одежду. Не подумайте, что это национальный костюм. Это реклама. Некоторые части костюма вышиты бисером, оторочены мехом. Руки, лицо, ноги выкрашены желтой и белой краской, но главное украшение — головной убор из двух пар рогов буйвола и веера из перьев. В руках рикш хлыст и небольшой щит, обтяну-

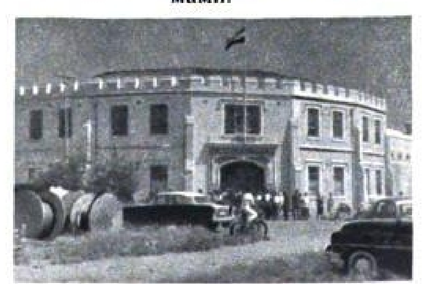

Уинни Мандела (слева), жена Нельсона Манделы, ждет приговора, который расисты вынесут ее мужу.

Развлечение расистов — рикши-зулусы.

В иных странах государственные флаги развеваются над правительственными зданиями, над посольствами, над муниципалитетами. В ЮАР флаги водружают над тюрьмами.

тый шкурой теленка. Хлыст рикша отдает седоку...

Мимо нас пробежал такой рикша своеобразным, «плывущим» шагом — словно бегун на замедленной киносъемке, издавая «боевой клич». Белая леди в колониальном шлеме и темных очках, сидя в коляске, хлестала его кнутом. Нас охватило чувство стыда и горечи.

А вот одно из самых известных зданий Дурбана — городская тюрьма. На ней развевается государственный флаг республики расистов. У массивного здания старой колониальной архитектуры — толпа африканцев. Расовый барьер соблюдается и в тюрьме.

На некоторых картах Южно-Африканской Республики можно увидеть небольшие черные пятнышки. Это резерваты — все, что осталось у африканцев от родной земли.

Система резерватов имеет свою историю. Некоторые из них представляют собой районы, которые африканцы отстояли в борьбе с колонизаторами. Другие «пожертвованы» властями отдельным вождям племен за «хорошее поведение» и т. д. Но все они — концентрационные лагеря, где расисты содержат избыточную рабочую силу, резерв дешевого труда для плантаций и заводов белых капиталистов. Под резерватами в ЮАР занято 10 процентов всего земельного фонда — как правило, худшие земли, безводные или, наоборот, болотистые, малярийные районы.

Один из таких резерватов называется Зулуленд. Там живет четверть зулусов Южной Африки. В резервате для всех не хватает земли. Раньше весь Наталь принадлежал этому гордому и сильному народу.

Зулуленд расположен на расстоянии 160 километров от Дурбана. У границы резервата небольшое кафе под названием «Зулукрааль». Здесь останавливаются туристы, прибывающие полюбоваться на экзотическую бедность несчастного народа. И снова нас охватывает горькое чувство стыда. Примерно в двух километрах от кафе виднеется несколько круглых, похожих на юрты хижин. Мы направляемся к ним. Солнце печет нещадно, земля раскалена и потрескалась от зноя. Кругом выжженный солнцем голый пустырь. Вот и полуголые люди, которым надлежит, по замыслу туристского бюро, демонстрировать «ужасную отсталость».

Мы побывали и в локациях — своеобразных городских гетто для африканского «цветного» населения. Мы видели самодельные бараки, похожие на собачьи конуры, в которых ютятся небелые люди ЮАР. После 9 часов вечера им запрещено появляться на улицах «белого» города.

Идеологи апартхейда узаконили территориальное обособление разных рас. Закон предоставляет правительству право объявлять любую часть территории страны зоной населения какой-либо одной расовой группы. И вот города объявлены зоной населения европейцев. Другие могут жить лишь в пригородных локациях.

В справочниках Дурбан называют одним из промышленных центров страны. ЮАР — экономически относительно развитое государство на африканском континенте. За счет дешевого труда коренного населения и природных богатств промышленность республики вышла на первое место в капиталистическом мире по добыче золота, алмазов и т. д.

И все же экономика ЮАР является колониальной экономикой. Капиталы там действуют иностранные, правительству Фервурда отведена лишь роль жандарма. За последние годы усилилось внедрение монополий США. Только за десять последних лет капиталовложения США в ЮАР выросли в два раза. Там действует сейчас более 200 американских компаний.

За счет беспощадной эксплуатации порабощенного населения страны иностранные капиталисты наживают в ЮАР огромные прибыли. За границу уплывает львиная доля дивидендов. Белокожие расисты ЮАР стоят цепными псами на страже колониальных порядков в Африке.

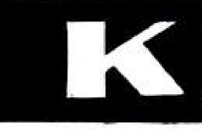
Все виденное в Южной Африке убеждает: положение миллионных масс африканцев здесь настолько тяжело и гнев их настолько велик, что его не в силах будут сдерживать ни плети, ни танки, ни самолеты.

Австралийский писатель Алан Маршалл родился в 1902 году. Он автор книг «Это мой народ», «Я умею прыгать через лужи» (есть русский перевод), «Это трава», «В моем сердце» и многих рассказов. Алан Маршалл — вице-президент Общества австралийско-советской дружбы. В настоящее время Алан Маршалл находится в Советском Союзе в качестве гостя Союза писателей СССР.

СИНЕЕ ЖАРКОЕ

Алан МАРШАЛЛ   Рассказ   Рисунки Е. ШУКАЕВА

Как-то я сидел в кафе Рикко на Спринг-стрит, раздумывая, не спросить ли для начала тарелку устриц, и вдруг услышал знакомый голос, заказывающий — что бы вы думали?— порцию знаменитого майнстрона. Я обернулся. И в самом деле это был Джек Малгрю Вырви Глотку — артельный повар, которого я в последний раз видел в лагере стригалей на Пароу.

Он смутился, но только на минуту, а потом после небрежного «как живешь-можешь» объяснил, что, мол, это его слабость: любит иногда побаловать себя вкусной едой.

— Странное дело — ведь своя стряпня мне почему-то в горло не лезет,— добавил он, когда я подвинул свой стул к его столику.

Однако я не видел в этом ничего удивительного. Джек Малгрю получил свое прозвище за редкостную приверженность к одному блюду — мешанине из разных остатков, известной среди стригалей под названием «Вырви глотку». Артельные повара обычно отмалчиваются, когда кто-то пытается раскрыть тайну состава «Вырви глотку». Достаточно спросить: «Из чего оно сделано?» — и повар становится мрачнее тучи, словно подозревает вас в намерении охаять его стряпню; само собой, подозрение это вполне обоснованное.

В те дни, когда повара обладали неограниченным могуществом и стригалям приходилось считаться с их властью, многие из них достигали вершин славы; молва о них распространялась далеко за пределами ферм, где они кашеварили. Если повар готовил хорошо, то на его защиту против недовольных вставали все, кому нравилась его стряпня. Ну а если повар готовил плохо, значит, мог удержаться на своем месте только, как говорится, грубой силой. Тогда каждый плохой кашевар, который дорожил своим положением, умел работать кулаками, что твоя молотилка.

К их числу относился и Вырви Глотку. У него была на редкость внушительная грудная клетка. Все, кто оставался в живых после попытки ударить Вырви Глотку в грудь, покидая поле боя на импровизированных носилках, сообщали товарищам:

— Вдаришь его в душу, а у него там, братцы, как загудит что-то, будто в пустом трактире!

Правда ли это, нет ли, не знаю, зато мне известна вот какая история. Много лет назад на Пароу, когда Вырви Глотку так наловчился, что от его удара люди валились с ног, как подкошенные, стригали не выдержали. Не видя иного способа добиться перемены в рационе из все той же мешанины, обозленные тем, что скорый на руку Вырви Глотку чинит расправу над недовольными, они обратились в сиднейскую спортивную школу с просьбой ссудить во временное пользование боксера; плата по доставке.

Прибывший в назначенный срок коренастый малый с расплющенной физиономией получил нехитрые инструкции:

— Только подаст он жратву, ты его обругай и бей тут же, не мешкая.

Сиднеец высказался в том смысле, что, мол, такой ход событий его вполне устроит, вот только свою десятку фунтов ему не терпится получить. Тут же была пущена шапка по кругу, набрана нужная сумма, и довольный боксер сел за стол в окружении счастливых стригалей, которые были уверены: наконец-то настал день страшного суда для Вырви Глотки!

Но при раздаче еды повар обычно находился в самом воинственном настроении, поэтому подсознательно он уже был готов отразить любую атаку, когда сиднеец еще только приступил к выполнению задуманного. Поднявшись с места, этот самонадеянный джентльмен отшвырнул нож и вилку и завопил: «Ты чем меня кормишь, поймон собачьим?!»

Сиднеец все еще продолжал с выражением

отвращения на лице отирать рот ладонью, а кулак Вырви Глотки уже обрушился на него.

Несколько позже, лежа на досках из забора близ барака стригалей, боксер так объяснял происшедшее: «Провалиться мне на месте! Он застал меня врасплох. Это не по правилам. Кабы я знал, что он у вас мастер по вольной борьбе, не брался бы. Не по моей части».

Артельный повар, известный по всему Дарлингу под именем Черный Пес, тоже умел постоять за себя. Кличка эта пристала к нему после распространения слухов о том, будто однажды он сварил черную собачонку и подал ее ничего не подозревающему стригалю, недовольному его кулинарным искусством. И будто стригаль уплел все за обе щеки и вдобавок торжественно поблагодарил повара за отличное блюдо.

Похоже, это был единственный раз, когда стряпня Черного Пса заслужила похвалу.

Черный Пес специализировался на холодной баранине. Ею он кормил стригалей и в завтрак, и в обед, и в ужин, причем подавал еду с видом человека, готового на любую критику ответить подобающим образом. И все же пришел день, когда один из стригалей, обнаружив без всякого энтузиазма у себя на тарелке неизменную холодную баранину, почувствовал необходимость выразить хотя бы часть обуревающих его чувств:

— Как, опять холодная баранина! — жалобно воскликнул он.

Черный Пес, который в это время ушел резать мясо, услыхал крамольную речь; с пугающей быстротой появился он в дверях кухни и гневно воззрился на притихшего смельчака. Постояв так с минуту, Черный Пес выразительно бухнул кулаком в свою волосатую грудь и провозгласил:

— Вот твое горячее мясо! А ну подойди, я тебе выдам порцию!

Однако стригаль приглашения этого не принял.

Коронным блюдом другой дарлингской знаменитости, Синего Повара, являлось жаркое.

У него был огромный котел на трех ножках, куда каждый день загружалась порция баранины и овощей. Благодаря этому регулярному пополнению котел никогда не пустел. Шли недели, а котел все булькал и булькал на огне, и содержимое его нисколько не убывало вопреки усилиям двух десятков мужчин, терпеливо уничтожавших варево.

Стоит ли удивляться, если в конце концов они начали поглядывать на треногий котел с отвращением? Поговаривали, будто нижний слой мяса и картошки находится в котле уже не первый месяц, хотя повар, надо отдать ему справедливость, частенько помешивал свое жаркое.

И вот однажды какой-то стригаль, вдоволь намаявшись животом, решился на крайнее средство, чтоб заставить повара хоть раз вычистить котел. Для этого, проходя мимо, стригаль подкинул в котел несколько больших кусков патентованной синей краски.

Перед очередной кормежкой повар, как обычно, стал помешивать свою стряпню; тут его слегка качнуло, но, быстро овладев собой, он громогласно объявил: «А сегодня, ребятки, синее жаркое!» — и спокойно разложил варево по тарелкам.

Кок с Риверины, известный под кличкой Гроза Печей, питал глубокую неприязнь к определенному виду старинным печам: уж очень много от них было дыма. Расправлялся он с ними просто. Как только стрижка на ферме, где он работал, заканчивалась, повар брал лом и пробивал в ненавистной печи здоровенную дыру; покидал ферму он в полной уверенности, что в следующий раз этой печи здесь не застанет. И действительно, на всех фермах, где Гроза Печей кашеварил, к следующему его появлению оказывались новые печи, хотя отношение к нему хозяев от этого сильно ухудшалось.

В те времена повара на овцеводческих фермах редко работали в фартуках. Они готовили во фланелевых комбинезонах. Был, правда, один такой шотландец в Лэчлене, тот носил фартук и фуражку, зато обходился без рубахи и без куртки. За ним быстро закрепилась кличка Скотти[1]-без-рубахи и заодно репутация культурного малого. Последнее обвинение шотландец всегда с негодованием отметал. Да и откуда в таких условиях было взяться культуре! В те дни все повара стригалей спали, когда не работали, и работали, когда не спали. Никакого «свободного времени» им не полагалось.

О холодильниках на фермах и не слыхали. Мясо держали в мешках или в специально вырытых ямах, над ним частенько вились полчища мух.

— Безобразие! Мясо с мухами! — Такие жалобы слышались на каждом шагу.

— Ничего тебе не станется. Они же мертвые,— обычно возражал повар.

Каждый стригаль только за завтраком уничтожал не меньше четырех бараньих или говяжьих отбивных. А ели во время стрижки семь раз в день. Кроме того, надо было выпекать хлеб и сладкие пресные лепешки.

В перекур, за утренним и вечерним чаем да и за ужином съедали почти столько же, сколько в обед.

К началу перекура подручный повара, иначе называемый подсобником, нес еду и чай в двух бидонах из-под керосина прямо в сарай, где стригли овец. Подсобникам, пожалуй, было тяжелее всего. Целый день в беготне, да еще со всех сторон ругань сыплется на твою голову, а ты терпи.

Один повар, который взял себе в подручные восемнадцатилетнего сына, имел обыкновение готовить длинные пудинги с джемом. Стригалям они очень нравились, только вот беда: каждому хотелось получить кусок из середины, куда стекал весь джем. От концов же, где джема вовсе не было, они воротили нос.

Скоро повару надоели перебранки из-за пудинга, и он решил проучить разборчивых стригалей. В один прекрасный день, стоя с ножом перед длиннющим пудингом, он спросил собравшихся за столом:

— Кто любит концы?

Последовало молчание.

— Что ж, зато мне и моему сыну они по вкусу! — грозно заявил он и без дальнейших разговоров разрезал пудинг посередине, а потом подвинул одну половину себе, другую — сыну.

Пудинги считались лакомым блюдом у стригалей. Но обычно их готовили, обернув в материю, вовсе не подходящую для этой цели; часто пудинги оказывались окрашенными в самые неожиданные цвета.

Как-то на одной из риверинских ферм изумленный стригаль, недоверчиво уставившись в котел, где кипела ярко-голубая жидкость, крикнул повару:

— Эй, приятель! Обертка-то полиняла!

— Сам знаю,— спокойно ответил повар.— Посмотрел бы ты в котел сначала. Это я уже третью воду сменил!

Другой повар однажды подал пудинг, на котором во всю длину красовалась надпись «Мука «Радость бродяги». Видимо, кулинар использовал для пудинга мешок из-под этой муки.

Зато в наши дни всякий повар понимает: надо быть мастером своего дела, чтобы не вылететь с работы. У такого повара и кухня чистая и меню разнообразное. Некоторые даже носят поварские колпаки...

...Покончив с майнстроном, Вырви Глотку откинулся на спинку стула и сказал:

— Надо будет взять у здешнего хозяина рецепт этого супа. Надеюсь, моим стригалям он понравится.

Я был поражен.

— Ты это серьезно? — переспросил я, думая, что ослышался.

— Куда уж серьезнее,— печально ответил Вырви Глотку.— Теперь на одних котлетах далеко не уедешь. Прошли те времена. Ну, выпьем, что ли!

Перевела с английского
Инна ПОЛЕТАЕВА

---

[1] Прозвище шотландцев.

Машенька.

За окном лето, солнце...

В мастерской народного художника СССР Николая Николаевича Жукова рабочий стол завален набросками, заметками, этюдами, привезенными из многочисленных поездок. Десятки папок, сотни рисунков... Живая, непосредственная, схваченная с натуры художественная стенограмма. Люди, встречи, улыбки. События маленькие, повседневные, но художник не может пройти мимо, потому что в них радость ощущения жизни.

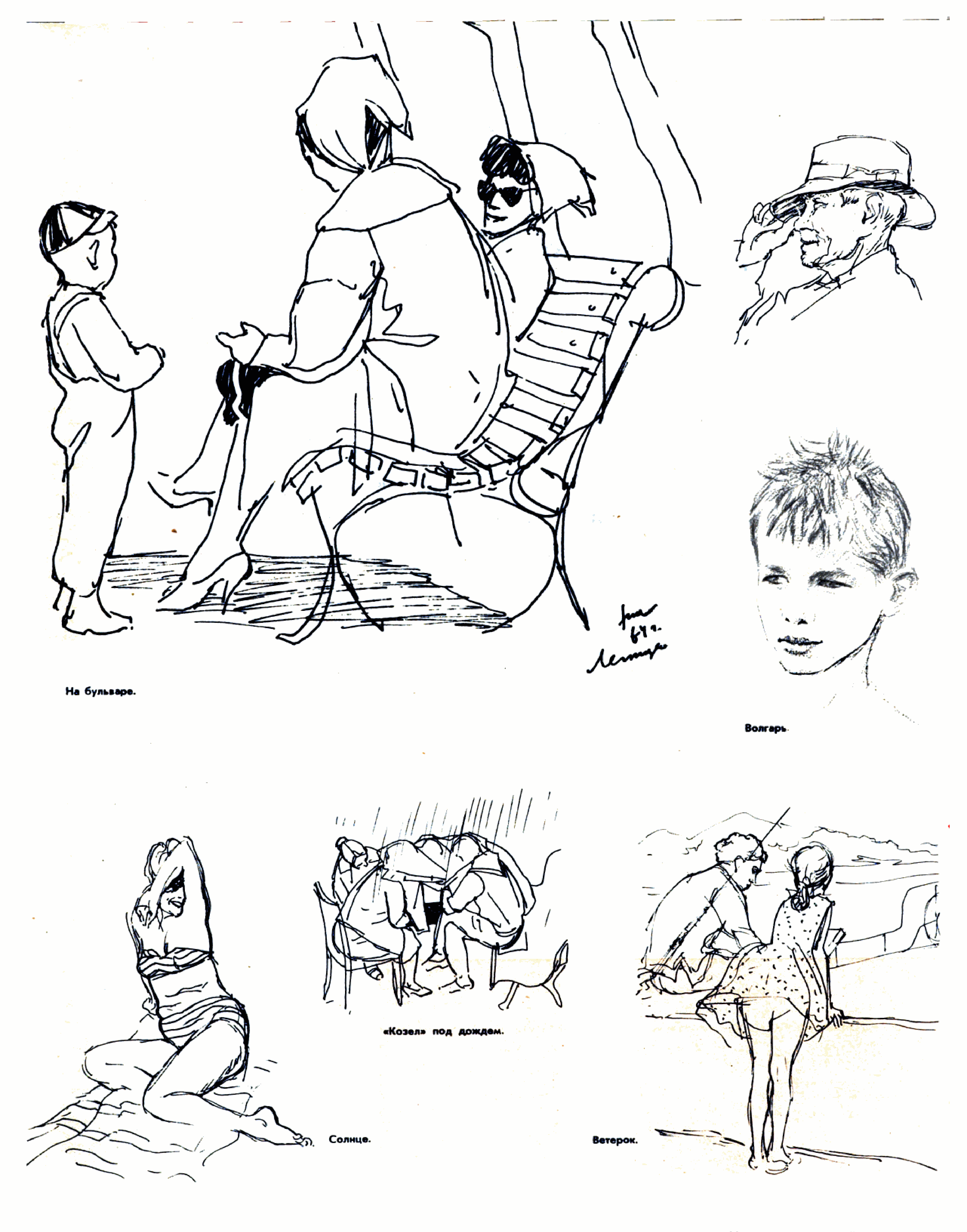
ЛЕТО, СОЛНЦЕ, ДЕТИ

Спокойно. Снимаю!

Кому мороженое, а кому табак.

На бульваре.

Волгарь.

«Козел» под дождем.

Солнце.

Ветерок.

В степи после дождей...

Б. НИКОЛАЕВ

Говорят, май холодный — год хлебородный. В Тургае нынче в зиму снега было по колено. А потом надолго над степью кустанайской повисли тучи. И долго шли дожди. День, другой, неделю, две... Тепла не было. Листва таилась в почках, медлили сорняки: выжидали. А дожди все шли и шли. Уже пора бы и в поле, давно на ходу агрегаты с боронами, шлейфами, лущильниками, сеялками, а небо как прорвало. Сроки посевной сжимались, словно пружина. И это нарастающее напряжение говорило людям, что одиннадцатая весна на целине необычна и ответственна. Но ведь и каждая весна по-своему необычна и ответственна.

Дожди отшумели, когда уже казалось, что конца им не будет, и когда казалось, что благо обернулось новым жестоким испытанием. Первым пришел в себя овсюг,— он полез стремительно, жадно глотая солнечный воздух. Тут уж не зевай, человек! В бой двинулись тысячи и тысячи тракторов с лущильниками. А времени так мало, а лущильников так не хватает, а земля так долго просыхает... Вот почему эта весна трудная. И все-таки кустанайцы рады ей: влаги в земле раза в полтора больше нормы!

И еще одна добрая примета. На короткой оперативке Федоровского производственного управления его начальник Виктор Михайлович Голубенко настойчиво повторял:

— Сроки поджимают, верно. Но боже упаси выполнять план за счет качества сева, за счет агрономии! Да, сеять и сеять днем и ночью, но под этот шум можно и в овсюг посеять. Не изменять агрономии, товарищи!

Наконец-то законы агрономии ставятся превыше всего, даже рапорта об окончании сева. (Кстати, план сева и в этом году на целине перевыполнен.) Наконец-то хозяева оставляют, еще робко, но оставляют пары. Наконец-то в землю ложатся только сортовые семена лучших, сильных пшениц!..

* * *

...Садилось солнце. В озере Узунколь за камышами плавились облака. Кричали чибисы, вскрикивали гуси, то и дело выбегали на берег голенастые кулики.

По бескрайней пашне от низкого, в пепельных облаках горизонта надвигались необычные машины. Это тракторы марки «К-700». Посмотреть целинную новинку нас привез директор совхоза «Воронежский» Михаил Дмитриевич Ширяев.

На меже совхозные инженеры, механизаторы. И еще товарищи из Ленинграда, с прославленного Кировского: инженер Владимир Оржевский, слесари-сборщики Иван Комендантов, Александр Глебов и Виктор Морозов. Покусаны комарами, небриты и перепачканы машинным маслом. Рукава синих комбинезонов высоко закатаны. Устало смотрят на приближающиеся громады.

Сейчас наступит торжественный момент: тракторы в производственных условиях отработали по шестьдесят часов, и представители завода снимут с моторов ограничители.

Все ближе машины. Накатываются теплой железной волной на зеленую полосу луговины.

С первой машины, лихо развернувшись, спрыгнул тракторист совхоза Виктор Новиков. Он высок, но едва достает головой до кабины; трет ветошью руки, просит закурить: комары сразу налетели на него, потного и веселого. Виктор достает дневник обкатки, пишет число, часы, номер поля и потом: «60 га, ограничитель снят!..» Его поздравляют.

Виктора Новикова по-старому все еще зовут новоселом. Он приехал на целину после демобилизации в 1958 году. К земляку приехал — сам-то он смоленский — да так и остался. Мастер на все руки. Женился. Теперь уже два сына есть: Саша и Сережа.

— Хорошая машина, верно? — спрашивает Виктор.— Ох, и мотор! Видите, какой лущильник таскаю? Шестнадцать метров захват. К трактору и плуг есть специальный, «ПН-8-35», это значит, что плуг навесной, восьмикорпусный. И сеялки есть специальные. Хорошая машина... Снял вот ограничитель, так теперь на «полную железку» буду гнать. У него на севе производительность вдвое больше, чем у «ДТ»!..

Греческая мифология рассказывает о том, как предводитель аргонавтов Язон укротил огнедышащих быков и вспахал за день Аресово поле. Разъяренные быки, согнувшиеся под тяжестью медного ярма, быстро тащили сказочный железный плуг, взрывая глубокие борозды...

Виктор Новиков и его товарищи с Кировского завода пригнали быстроходные тракторы-гиганты в совхозную степь, чтобы за день прокультивировать и засеять хлебом поле с двухкилометровым гоном. Они ничем внешне не напоминали мифологических героев. И все-таки вспоминаю сегодня я о них как о героях.

...Заходило солнце, кричали птицы. На радиаторе «газика» примостился сын главного инженера совхоза. Он что-то рисовал на куске ватмана.

— Тебя как зовут?
— Сережа.
— А сколько тебе лет?

Мальчишка выставил растопыренную пятерню.

— А что ты рисуешь?
— Во-он кого! «К-700» это... А дяди нет в кабинке, дядев я не умею еще...

Снопы света ударили по пашне. Это трактористы включили фары. Пять гигантов уходили в степь. Просто большие тракторы, а никакие не огнедышащие быки. И мальчик рисовал тоже трактор. Разве пашут на быках?

* * *

Как только Людмила Иванова приехала в «Воронежский», в промтоварном магазине не стало баянов. Их раскупили. Нет, играть на баяне по-прежнему в совхозе никто не умел. Просто Людмила Александровна, светловолосая двадцатидвухлетняя учительница пения, сказала ребятам:

— Давайте организуем кружок баянистов! Кто хочет, того я научу играть на баяне...

И на следующий день баяны были раскуплены. Все одиннадцать. Тем, кто долго уговаривал родителей, не досталось.

И вот прошла зима. Мальчишки уже выучили гаммы, уже наигрывают что-то нетрудное. Но учатся все страстно. И музыкальной грамоте, и нотной азбуке, и игре, главное, игре! Старательно растягивает мехи в клубной комнате Коля Надюшкин, а за дверью стоит его брат Вовка. Он просто ждет Колю. Мог бы и Вовка учиться играть, но не хочет — полное равнодушие к музыке; вот дождется Колю, и побегут они к мастерским, куда нынче новые комбайны пригнали.

Через большое футбольное поле тащится в клуб с баяном маленький человек. Это Андрей Лейн. Дедушка хочет ему помочь, но он баяна не дает.

А на крыльце клуба смеется Галина Павловна Сероокая, учительница Андрея. Галина Павловна учит первый год. Когда ей было столько лет, сколько сейчас Андрею, то не было здесь ни этого футбольного поля, ни клуба, ни школы. Потому что не было совхоза. Тогда, в 1954 году, парни и девушки в лыжных костюмах только приехали в степь. Они забивали колышки, намечая вот эту улицу, вот эти дома. Тогда приехали в «Воронежский» и родители Гали Сероокой, то есть Галины Павловны.

Галина Павловна смотрит на гордого своею ношею Андрюшку, на цветущие яблони (каждая — ровесница самого маленького в совхозе баяниста), на телевизионные антенны, на хоровод малышни возле детского сада и рассказывает, как слышала одну-единственную гитару у вечернего костра. Это было давно, в детстве. Это было ровно десять лет назад.

* * *

Рассвет, конечно, мы проспали. Когда подъехали к озеру Бикилек, дедушка Моисей, совхозный рыбак, уже выбирал рыбу. Мы покричали ему через камыши. Он долго не отзывался, что-то ворчал, потом разогнулся и посмотрел из-под ладони на нас. А нам обязательно надо было сфотографировать его улов, чтобы показать, как богаты рыбой кустанайские озера.

Дедушка взялся за шест и двинул плоскодонку в узкий пролив. Голубая тропинка в зарослях еще не зазеленевшего камыша вела лодку к берегу. Разбегалась прозрачная вода, разбегались выводки дикой утки, срывались с камышин жирные стрекозы. Солнце пригревало все сильнее, грозя новым жарким днем. С полей после ночной смены возвращались вконец усталые, запыленные механизаторы. Тяжело шли к озеру, к воде. Было первое утро после посевной.

— Готовь тройную уху, Моисей Михайлович!

...На целине много озер. Только в Кустанайской области их свыше четырех тысяч! В озерах много рыбы. Да не во всех она столовых. В «Воронежском» есть рыбак — есть и уха. В других совхозах рыба — проблема. В областном управлении производства и заготовок сельскохозяйственной продукции сетуют, что озера отданы на откуп новому рыбозаводу, построенному в Рудном. Таким образом, никто сейчас не занят разведением карпа. Зато лов его организован слишком уж хорошо. Например, в озере Токтас, где карп достигает десяти килограммов, рыбу буквально черпают. «Черпают до дна», не заботясь о молоди. И вывозят. А колхозу «Путь к коммунизму», на чьей территории озеро, а совхозу «Федоровский» и другим соседним совхозам — ничего...

Зоотехник из того же областного управления Галина Александровна Лукашева рассказала о том, что в области только в прошлом году зарыблено более шести тысяч гектаров озерной целины, но этого мало.

— Надо на озере Токтас организовать рыбопитомник и племрассадник на хозрасчете. Тогда карп будет во всех озерах, а значит, и во всех совхозах. Сейчас его обидно, непростительно мало. Карп требует техники, нужны сети, камышекосилки, целый флот. Карп очень быстро растет, совхозам взять его нечем. А рыбопромхоз снасти не дает, более того, он относится к богатствам целинных озер потребительски, черпает рыбные кладовые до дна. И Целинный крайисполком почему-то поддерживает такую тактику, игнорируя неоднократные предложения специалистов из Кустаная...

...Караси дедушки Моисея были отменными. Они играли на солнце всеми цветами радуги. Центнера полтора взял в то утро рыбак с Бикилека. А все был недоволен, ворчал:

— Мелеет озеро. Допахались до самой воды. Теперь и росы в степи не бывает, погорячились пахари, молодые тогда были... Ну только сейчас самое время о природе подумать. Без травы, без воды, без рыбы нельзя: не будет у степи красоты никакой. Правильно вести хозяйство — то и хлеб будет, и скот, и рыба, только воду в степи крепко беречь надо...

Затихли караси на дне лодки. Орали петухи на ближней птицеферме. Прошел на центральную тяжелый молоковоз от гурта. Жмурились на солнце бронзовые трактористы. Было первое утро после посевной. А людей обступали новые заботы, новые дела, как во всяком большом, налаженном хозяйстве.

За Бикилеком неслышно дышала степь, принявшая ночью зерно...

Кустанайская область.

Прохладой дышит степь...

Фото. А. ГОСТЕВА.

«К-700», богатырь целинной пашни.

Утром на центральной усадьбе «Воронежского» звучат песни птиц и детей.

Подруги.

Философ комментирует письма читателей

Давайте обсудим, что нужно вкладывать в понятие личной собственности. Где начало этого понятия и где конец? Когда личная собственность наносит ущерб психологии, мировоззрению, интересам людей социалистического общества, строящего коммунизм?..

Это строки из очерка писателя В. Очеретина «Дети и гаражи», опубликованного в № 38 «Огонька» за 1963 год.

Редакция получила много писем-откликов на этот очерк. Мнения высказаны самые разные. «Граждане, имеющие «Волгу» (хотят они того или не хотят), обязательно приобретают частнособственническую психологию и отходят от ленинизма»,— пишет Ф. Антонов из Куйбышевской области. А москвич С. Болдырев утверждает совершенно иное: «Нужно рассматривать весь автомобильный парк, включая и «частников», государственным».

Мы попросили доктора философских наук, профессора Г. Глезермана прокомментировать полученные нами письма.

Где проходит грань...

Г. ГЛЕЗЕРМАН,
профессор, доктор философских наук

КОММУНИЗМ — БЕДНОСТЬ ИЛИ БОГАТСТВО?

Встречаются подчас представления о коммунизме, навеянные идеями не научного, а утопического социализма, многим из представителей которого был свойствен аскетизм. Мне вспоминаются молодежные бытовые коммуны, возникавшие на наших предприятиях в конце 20-х — начале 30-х годов. В некоторых из них не только заработок каждого поступал в «общий котел», но и все предметы личного обихода, вплоть до одежды, «обобществлялись». Один из участников коммуны рассказывал, что однажды спросил своего товарища: «Откуда у тебя новые брюки?» Тот ответил: «Это брюки не мои, их купила коммуна, и я не знаю, кто их будет носить завтра...»

Участникам бытовых коммун казалось, что они насаждают коммунистические отношения и искореняют мелкобуржуазную психологию, а на самом деле они сами оказались в плену мелкобуржуазной уравниловки.

Стоит ли вспоминать об этом сейчас, три с лишним десятилетия спустя? Может быть, это нелишне, потому что и сейчас еще иные связывают свои представления о коммунизме с бедностью и рассматривают всякий достаток как угрозу перерождения.

В действительности коммунизм и бедность — понятия несовместимые. Коммунистическое движение зародилось в среде пролетариата, принадлежавшего к числу самых бедных и угнетенных слоев капиталистического общества, но оно призвано не увековечить бедность, а покончить с нею навсегда. Коммунистическое общество может быть построено не на базе бедности, уравнительного раздела имуществ и ограничения потребностей, а на базе громадного роста общественного богатства, созидаемого коллективным трудом.

Главным условием перехода к коммунизму наша партия считает создание материально-технической базы коммунистического общества. Создание такой базы откроет путь к коммунистическому изобилию, даст возможность все более полно удовлетворять растущие потребности членов общества.

Коммунизм означает прежде всего громадный рост общественного богатства. Именно из общественного богатства люди смогут получать все необходимое для удовлетворения потребностей сообразно своим индивидуальным запросам и вкусам. При этом предметы индивидуального потребления будут переходить в полное владение и распоряжение каждого члена общества.

Считать, что личная собственность на предметы потребления, существующая при социализме, должна быть вообще отменена при переходе к коммунизму, подобно тому, как это было сделано в свое время с частной собственностью на средства производства, значило бы впасть в вульгаризацию марксизма-ленинизма. Однако не меньшей ошибкой было бы полагать, что рост благосостояния людей при переходе к коммунизму сводится только к возрастанию их личного богатства.

Коммунизм предполагает не только рост благосостояния всего народа, но и более высокую организацию всей общественной жизни, в том числе и в области распределения. Безграничный рост личной собственности может привести к отрицательным последствиям: стимулировать частнособственническую психологию, эгоизм, замыкать кругозор человека узколичными интересами и т. д. Это правильно отмечают в своих письмах в «Огонек» москвичи И. В. Чернышенко, В. Чагар и другие.

«Личная собственность труженика на многие предметы, как форма личного потребления,— говорил на XXII съезде КПСС Н. С. Хрущев,— не противоречит коммунистическому строительству, пока она сохраняет разумные размеры и не превращается в самоцель. Но раздутая личная собственность при известных условиях может превратиться, и часто превращается, в тормоз общественного прогресса, в рассадник частнособственнических нравов, может повести к мелкобуржуазному перерождению». Поэтому партия отвергает представление об изобилии как о безграничном росте личной собственности. Она видит надежный путь к коммунистическому изобилию в развитии общественных форм удовлетворения потребностей.

СУДЬБА ЛИЧНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Потребности людей многообразны, и их можно удовлетворять поразному. Одни — преимущественно в индивидуальном порядке (например, в предметах личного обихода — одежда, обувь и т. д.); другие (например, в питании) — как индивидуальным путем, у себя дома, так и путем общественного обслуживания (столовые и т. д.); третьи (потребности в благоустроенном жилье, лечении, образовании и т. д.) — главным образом через общественные формы обслуживания.

В процессе движения к коммунизму будет постепенно расширяться круг потребностей, удовлетворяемых общественными формами обслуживания. Вместе с тем будут изменяться и формы распределения. Сегодня бо́льшая часть фонда народного потребления распределяется в индивидуальном порядке (заработная плата рабочих и служащих, личный доход колхозников), а около четверти идет через различные общественные формы обслуживания (бесплатное образование, лечение, воспитание детей в детских учреждениях, обеспечение благоустроенным жильем и так далее). А к концу двадцатилетия общественные фонды потребления составят примерно половину всей суммы реальных доходов населения.

Общественным формам обслуживания принадлежит будущее. Их развитие приведет, несомненно, к тому, что многие потребности, которые теперь человек удовлетворяет частично или полностью, приобретая предметы в личную собственность, будут в дальнейшем удовлетворяться коллективно. Кому понадобилось бы, например, строить собственные дачи, если будет много загородных пансионатов, гостиниц, баз, в которых отдыхать удобнее, дешевле, интереснее, чем на даче? Зачем приобретать в личную собственность автомобиль, если будут хорошо организованные прокатные пункты, которые избавят от затрат времени на технический уход за машиной, поиски запасных частей и т. д.? Развитие таких форм обслуживания приведет к тому, что многие виды личной собственности, которые существуют ныне, вообще отомрут, окажутся ненужными. Личная собственность при коммунизме не исчезнет, но ее сфера, несомненно, сузится. А главное, предметы, находящиеся в личном владении и распоряжении человека, перестанут быть объектом купли и продажи.

Расширение общественных форм обслуживания выгодно для общества: средства и силы в крупном коллективном хозяйстве используются эффективнее, чем в мелком, индивидуальном. Оно выгодно и для отдельного человека: общество берет на себя многие заботы, которые сейчас лежат на нем самом. А еще важнее то, что развитие этих форм обслуживания помогает утверждению в жизни, в повседневном быту коллективизма. В развитии общественных фондов находит яркое выражение гуманизм нашего общества и прежде всего его забота о детях, престарелых, больных.

Не забудем, однако, что, несмотря на все преимущества общественных форм обслуживания и распределения, их нельзя ввести сразу, нельзя заменить ими немедленно индивидуальные формы. И прежде всего потому, что для этого еще не создана необходимая материальная база.

Нельзя сразу заменить индивидуальные формы распределения общественными и потому, что строительство коммунизма должно опираться на принцип материальной заинтересованности людей в результатах своего труда, в увеличении его производительности, в повышении своей квалификации. Иначе мы нанесли бы непоправимый урон и развитию производства и трудовому воспитанию. Ведь личная материальная заинтересованность помогает подтянуть нерадивых, приучить их к дисциплине, к работе на общество.

На каждом этапе движения к коммунизму очень важно найти правильную меру сочетания преобладающих в нашем обществе социалистических отношений с ростками, элементами коммунистических отношений. Тут нельзя забегать вперед, равно как и допускать отставание.

КОГДА ЛИЧНОЕ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ЧАСТНОЕ

Вернемся теперь к вопросу о разумных границах личной собственности, который ставят и В. Очеретин и многие авторы откликов на его очерк.

Возможно ли определить количественные границы или очертить круг предметов, которые могут находиться сегодня в личной собственности? Наше законодательство предусматривает, что личная собственность граждан распространяется на их трудовые доходы и сбережения, жилой дом (размеры которого не должны превышать нормы, установленной законодательством союзных республик), подсобное домашнее хозяйство, предметы домашнего обихода, личного потребления и удобства. При этом в основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик подчеркнуты два важнейших условия, в рамках которых допускается личная собственность: во-первых, она распространяется на имущество, предназначенное для удовлетворения личных материальных и культурных потребностей граждан, то есть имеет преимущественно потребительное значение, во-вторых, она не должна использоваться для извлечения нетрудовых доходов. В отношении некоторых видов личной собственности, развитие которых ныне уже не отвечает интересам общества, установлены ограничения. Что же касается имущества, нажитого нетрудовым путем, то оно по закону может быть конфисковано.

Несомненно, что у нас еще не созданы все необходимые преграды для людей, которые употребляют личную собственность во вред обществу или используют ее для личной наживы. Нужно еще совершенствовать законы, улучшать судебную деятельность, усиливать контроль общественности.

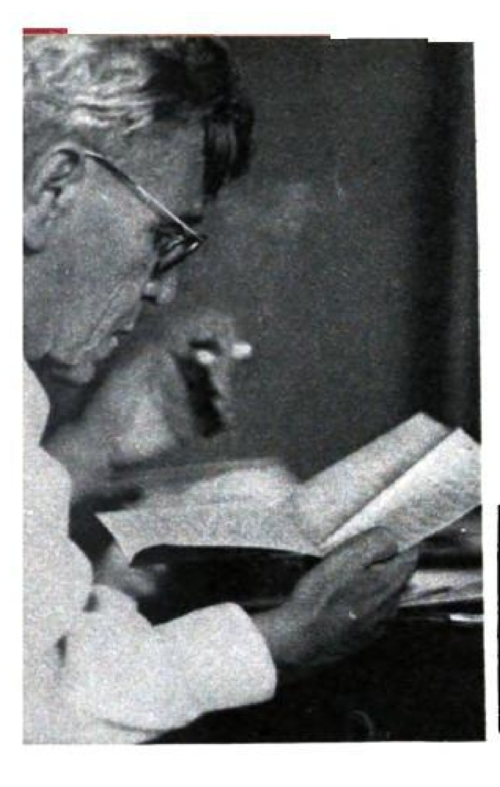
Но некоторым товарищам этого кажется мало. Они предлагают подвергнуть общественному осуждению владельцев определенных видов личной собственности или ликвидировать ее административными мерами. Одни объявляют их людьми, «сбившимися с дороги», которой мы идем к коммунизму, объявляют эгоистами, себялюбцами всех владельцев автомашин; другие делают исключение лишь для владельцев малолитражных машин и мотоциклов. А один из авторов письма в «Огонек» гордится тем, что за всю жизнь не имел сберегательной книжки, что у него нет даже телевизора.

Плохо, когда человек становится рабом вещей, которые его окружают, когда он все помыслы обращает на то, чтобы приумножить вещи, обставить свое жилище, свой быт чем-то таким, чего нет у других. Тут расцветают и эгоизм, и мещанство, и психология стяжателя. Но не вещь сама по себе страшна, а то, как человек ее использует, как он к ней относится.

Неправы, на наш взгляд, товарищи, которые хотят огульно осуждать всех владельцев машин, независимо от того, приобрели ли они их на свой трудовой заработок или на нечестные доходы, независимо от того, используют ли они машину для личных нужд, отдыха и т. д. или для запрещенного законом промысла — «автоизвоза». Нигде и ни при каких условиях нельзя ставить на одну доску труженика и тунеядца. Ведь несомненно, что подавляющее большинство владельцев автомашин — люди трудящиеся, а, например, в городе Донецке в Донбассе большая часть из них — рабочие. Конечно, как и всякая другая личная собственность, автомашина должна использоваться так, чтобы не нарушать интересы других людей, и тут автор очерка «Дети и гаражи» прав.

Границы личной собственности не во всех случаях могут быть определены государственным законом. Но они всегда могут быть установлены совестью человека, нашим гражданским самосознанием, общественным мнением. Если личная собственность одного ущемляет интересы многих, противопоставляет его другим,—она становится источником эгоизма, пренебрежения к окружающим, высокомерия и многих подобных качеств, которые могут погубить человека, извратить весь строй его мыслей и чувств.

Разговор о личной собственности, поднятый на страницах журнала, касается не только экономики, но и — что еще важнее — воспитания нового человека. Создать настоящие преграды к тому, чтобы личная собственность нигде и никогда не превращалась в источник частной наживы, не противопоставляла интересы ее владельца интересам общества,— это значит в то же время ускорить преодоление остатков частнособственнической психологии и формирование психологии человека коммунистического общества.

Самуил Яковлевич
МАРШАК

Этого человека со скромной, иногда грустной, а может быть, даже чуть виноватой улыбкой знали и любили все. Те, кто встречался и дружил с ним многие годы, как наши старшие товарищи по литературному цеху, и те, кто вроде нас, девятнадцать лет назад, вернувшись с фронтов Отечественной войны, довольно бойко и подчас бездумно пустились в лоно литературы для детей... и сразу же попали в его поле зрения, почувствовали его высокую меру требовательности к литературе, к себе самому и к нам, начинающим. Он был не просто маститым писателем, классиком, одним из основоположников большой советской литературы для маленького читателя. Он был личностью глубокой, мудрой, тонкой, и потому каждая встреча с ним, человеком удивительно богатым и интересным, становилась событием.

Но и те, кто не был лично знаком с ним, кто никогда не видел его даже на фотографиях, знали и любили этого человека. Он сопутствовал им, нынешним дедушкам и бабушкам, отцам и матерям, юношам и девушкам, мальчишкам и девчонкам, всю жизнь. По его стихам и песням, сказкам и пьесам учились они любви к родному слову и к родной стране, уважению к человеку труда и его деяниям, учились той высокой морали, которую мы ныне по праву называем коммунистической.

Три поколения советских людей воспитывались на звонких, веселых и одновременно мудрых книжках, написанных этим Человеком — человеком с большой буквы. И не просто воспитывались, а и росли вместе с его книжками. От «Деток в клетке» до «Мистера Твистера». От «Круглого года» и «Разноцветной книги» до «Были-небылицы». От «Сказки о глупом мышонке», «Почты», «Вот какой рассеянный» до «Рассказа о неизвестном герое», «Баллады о памятнике» и «Нашего герба». И наконец, от его прекрасных детских стихов до глубокой «взрослой» лирики и переводов Шекспира, Бернса, Гейне, Петефи, лучших образцов зарубежной народной поэзии, ставших благодаря его таланту и умению фактами русской литературы...

Выдающийся писатель, человек огромной эрудиции и мужества, превозмогавший многие последние годы своей жизни болезни и возраст во имя большой литературы, он и закончил свой путь как солдат, боец, труженик. Лишенный возможности читать, он наизусть диктовал поправки к рукописям и гранкам, интересовался иллюстрациями художников и событиями дня, о которых говорил номер «Правды» от 4 июля...

Трудно поверить, что на свете уже нет Самуила Яковлевича Маршака. Что завтра и послезавтра, через год и через десять лет не появятся его новые стихи на страницах газет и журналов, его острые подписи к рисункам Кукрыниксов, его книжки для детей, пьесы, переводы, лирические стихи и воспоминания, написать которые он так мечтал. Не будет к очередным литературным юбилеям блестящих стихотворных маршаковских приветствий, к которым все мы так привыкли и которыми никогда не переставали поражаться... И еще — это уже касается нас, пишущих,— не будет писем Маршака из Ялты и с московской улицы Чкалова, которой он посвятил свою знаменитую книжку «Детям нашего двора», не будет его новых блестящих статей о литературе, которым мог бы позавидовать иной теоретик-литературовед...

Маршак сочетал в себе удивительное разнообразие литературных талантов, и при этом он всегда был нашим горячим современником, острым политиком, борцом и общественником. Понятие «беспартийный большевик» как нельзя лучше подходит к нему — поэту, человеку и гражданину.

Имя Маршака неотделимо от нашей литературы, и в этом есть великое торжество жизни над смертью, которая не в силах погубить большого таланта истинного художника-патриота.

Дети, во имя которых мы сегодня живем, трудимся и строим новое общество, не понимают законов смерти. Для самых маленьких из них имя Маршака стало синонимом хорошей детской книжки. «Дядя, а вы Маршак?» — спрашивают они у любого автора понравившейся книжки. Для более старших книжки живого Маршака вечно будут добрыми спутниками, советчиками и товарищами. Их читают в эту минуту миллионы ребят, их будут читать новые поколения завтрашних мальчишек и девчонок, которые заново откроют для себя прекрасную маршаковскую поэтическую образность и ритмику в написанных давным-давно, еще в тридцатые годы, строках:

Человек сказал Днепру:
— Я стеной тебя запру.
Ты
С вершины
Будешь
Прыгать,
Ты
Машины
Будешь
Двигать!

Новые поколения людей берут в руки книги Маршака. Разбирают по буквам и слогам, заучивают наизусть, улыбаются, смеются, думают о большой жизни.

У книг С. Я. Маршака, зовущих к большой жизни,— большая жизнь!

Сергей БАРУЗДИН

В. ВЛАДИМИРОВ

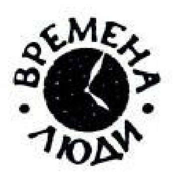
«...Замените круглую бомбу цилиндро-коническим снарядом. Полечу внутри. Прибуду пароходом «Атланта». Мишель Ардан». Те, кто читал роман Жюля Верна «С Земли на Луну», помнят эту телеграмму и вызванную ею сенсацию. Члены фантастического «Пушечного Клуба» собирались выстрелить в Луну ядром. Ардан предложил отправить в снаряде людей.

В главе «Пассажир «Атланты» автор дал подробное описание Мишеля Ардана — описание настолько живое, что оно кажется списанным с натуры: «Это был человек лет сорока двух, высокого роста, но уже слегка сутуловатый, подобно кариатидам, которые на своих плечах поддерживают балконы. Крупная львиная голова была украшена копной огненных волос, и он встряхивал ими порой, точно гривой. Круглое лицо, широкие скулы, оттопыренные, щетинистые усы и пучки рыжеватых волос на щеках, круглые, близорукие и несколько блуждающие глаза придавали ему сходство с котом. Но его нос был очерчен смелой линией, выражение губ добродушное, а высокий, умный лоб изборожден морщинами, как поле, которое никогда не отдыхает».

Портрет «энергичного безумца» Ардана действительно взят Жюлем Верном из жизни. Ардан не кто иной, как друг писателя, всемирно известный парижский фотограф, карикатурист, романист, журналист, изобретатель и воздухоплаватель Феликс Надар, родившийся 20 апреля 1820 года в Париже.

Последний портрет Надара.

Во второй половине прошлого века псевдоним «Надар» (подлинная фамилия этого неуемного человека была Турнашон) стал синонимом всего фантастически-грандиозного. Не проходило года, чтобы Надар не поражал Париж каким-нибудь новым необыкновенным предприятием.

Это было время расцвета точных наук и техники. Но Надара не тянуло к теоретическим изысканиям. Он брался за все и, потерпев поражение, немедленно возобновлял свои опыты в расширенном масштабе.

Феликса Надара считают одним из отцов современной художественной фотографии. Именно художественной, потому что съемка обычных для того времени дагерротипных портретов в неестественных, парадных позах была ему совершенно чужда. Надар снимал новым, «мокрым» способом, на влажную пластинку, и при этом добивался удивительных результатов. Его портреты знаменитых современников — писателей Александра Дюма-отца, Жорж Занд, композиторов Фредерика Шопена, Ференца Листа, художников Онорэ Домье, Гюстава Курбэ, Эжена Делакруа — поражают своим реализмом. Надар не скрывает ничего: ни морщин, ни волосков, ни складок кожи. Путем очень искусного, комбинированного освещения с использованием малоизученного тогда электричества (вольтовой дуги с рефлекторами, выкрашенными мелом) Надар делал портреты людей такими, какими их видел человеческий глаз.

Если б вам пришло в голову «запечатлеть навеки свое подобие» в ателье Надара, вам пришлось бы отправиться в тряском фиакре на улицу Анжу. Вас ввели бы в зал с потолком в 5 метров высотой — прообраз нынешних кинопавильонов,— куда можно было ввезти коляску с лошадьми и снимать массовые сцены. Стеклянный потолок, огромные матовые лампы с автоматическим включением углей давали самые разнообразные эффекты освещения.

Рыжий «фотограф-художник» при помощи передвижных ширм выделил бы для вас уголок зала и пустился бы в воспоминания о своих друзьях и о таких людях, как Луи Дагерр, Джоаккино Россини, Сара Бернар, Шарль Бодлер, Теофиль Готье...

Ухмыляясь, он сообщил бы вам, как рассердился император Наполеон III, когда Надар изобразил его на фото коротконогим человечком с самой заурядной наружностью.

— Но такова натура, ваше величество,— невозмутимо заметил Надар, иронически кланяясь своему повелителю.

В 50-х годах имя Надара уже гремело по Парижу. Его ателье превратилось в подлинный клуб, где постоянно встречались самые популярные писатели, артисты, изобретатели и художники. Парижские студенты называли его «папаша Надар». На стенах кабачков в Латинском квартале красовались дружеские шаржи на папашу Надара. Изображался он то верхом на фотокамере, то с фотокамерой на спине. В кафе на

ПАПАША НАДАР

Фото Феликса Надара.

Париж с воздушного шара.

Елисейских Полях повсюду лежал его журнал «Пантеон Надар» с карикатурами на современников. Впоследствии этот «Пантеон» стал первым фотожурналом во Франции.

Папаша был завсегдатаем кафе и кабачков. Его рыжая шевелюра мелькала в самых дешевых заведениях этого рода, где постоянно шумели студенты, непризнанные художники, их подруги и поклонники. Еще в 1841 году он написал об этой буйной молодежи роман «Платье Деяниры» — роман, который впоследствии вдохновил писателя Анри Мюрже на создание «Сцен из жизни богемы», а композитора Пуччини — на сочинение известной оперы «Богема».

В кабачках на Монмартре Надар встретился с плеядой молодых художников, проповедовавших «светлую живопись».

— Вон из темных студий! — кричали они. — Ближе к природе, к воздуху, к солнцу! К черту академию! Кто запретит мне написать на переднем плане картины спину моей Нинон, если я вижу пейзаж через ее плечо? А знаете ли вы, папаша Надар, что отраженный солнечный свет вовсе не золотой, а серебристый? А знаете ли вы, что тени в природе вовсе не черные, а самых разнообразных оттенков?

Кому все это знать, как не Надару? Ведь он был поклонником «светописи» и много лет стремился отразить на пластинке людей в их «естественном состоянии». Вы не успели бы заметить, когда именно этот словоохотливый фотограф снял ваш портрет. Он никогда не говорил своим клиентам: «Спокойно, снимаю!..» Он фотографировал их неожиданно.

— Я снимаю не портреты, а жизнь, — сказал он как-то надоедливому спорщику, который пытался его убедить, что портретное искусство не терпит «вольностей».

И он предоставил свою галерею-мастерскую для первой выставки молодых бунтарей-художников, в числе которых были позднее знаменитые Клод Монэ, Камилл Писарро, Эдгар Дега, Огюст Ренуар и другие.

Но уже в середине 50-х годов у Надара появилось новое увлечение — воздухоплавание.

В то время летали только на воздушных шарах. Считалось, что единственным разумным принципом воздухоплавания может быть только принцип «легче воздуха». Газ должен поднять человека на «высоту птичьего полета».

Как известно, воздушные шары запускались в России еще в середине XVIII века. В конце того же столетия поднялся в воздух шар француза Монгольфье, движимый горячим воздухом. Шары эпохи Надара наполнялись водородом.

В 1856 году неутомимый папаша Надар поместил в корзину воздушного шара сундучок, чтобы перед аэрофотосъемкой заряжать камеру мокрой коллодиевой пластинкой. Тяжелая камера была укреплена в неподвижном положении — и Надар полетел снимать!

При выдержке, которая длилась почти минуту, снимать на поднимающемся шаре было нелегко. И тем не менее Надар сфотографировал Париж с высоты птичьего полета. Снимок получился превосходный. Мы и сейчас можем увидеть сверху город, который так увлекательно описал Эмиль Золя в своем романе «Чрево Парижа». На этом снимке еще нет прославленного силуэта Эйфелевой башни.

В 1863 году тяга Надара ко всему грандиозному нашла свое выражение в создании колоссального воздушного шара «Гигант». Этот шар был сенсацией. Сшитый из тысячи кусков шелка, он в надутом виде превосходил размерами громадный купол парижской биржи. Вместо корзины к нему подвесили целый дом. На борту этого сооружения находились фотолаборатория, склад продуктов и даже сигнальная пушка. Пассажиров было 13 человек.

Полмиллиона парижан собрались любоваться полетом этого чудовища. Пришел и Жюль Верн с подзорной трубой.

Но шар не полетел. Он только приподнялся в воздух и грузно хлопнулся о землю. Один из путешественников вывихнул ногу.

Надар на этом не успокоился. Через пять лет он поднялся на воздушном шаре военного ведомства, приладив к нему паровой двигатель. С высоты 500 метров он сделал великолепные снимки.

Опыт Надара послужил ему через несколько лет, во время осады Парижа пруссаками. Он был назначен начальником военно-воздушной службы. В октябре 1870 года Надар руководил полетом Леона Гамбетты на воздушном шаре через расположение пруссаков.

Но к этому времени папаша Надар уже утратил веру в будущее воздушных шаров. Еще в 1865 году он выпустил книгу с горделивым названием «Право летать», где высказался в пользу принципа «тяжелее воздуха». Он предвидел победу самолета над аэростатом. Но авиаконструктором он не стал. Через несколько лет в далекой России Александр Можайский создал первый в мире аэроплан.

Жюль Верн всегда знал все мысли и планы своего друга. Под влиянием Надара он написал прославивший автора роман «Пять недель на воздушном шаре». Отголосок горячих споров того времени — соперничество «дяди Прудента» и инженера Робура в романе Жюля Верна «Робур-Завоеватель». И в этом романе самолет побеждает воздушный шар.

Жюль Верн был не только мечтателем. Он активно пропагандировал самолеты и даже стал одним из учредителей «Общества сторонников летательных аппаратов тяжелее воздуха». Общество, основанное Надаром и его соратниками, вело яростную полемику с приверженцами водородных «баллонов».

Но, увлекаясь воздухоплаванием, Надар не прекращал своего самого любимого занятия — фотографии.

В 1891 году москвичи познакомились с творчеством Надара. «Журнал французской выставки в Москве» сообщал: «В разделе фотографии среди экспонатов в первом ряду мы должны поставить г. Надара. Г. Надар выставил целую серию портретов истинно художественной работы...»

Надар прожил долгую жизнь, дождавшись осуществления человеческого «права летать», и сам увидел аэропланы.

После перелета Блерио и Латама через Ла-Манш Надар послал им поздравление, и первые авиаторы заявили корреспондентам, что это — наиболее ценное поздравление из всех ими полученных.

Увидел он и первые кинофильмы — искусство снимать движение, к которому стремился много лет, изготовляя «серийные фото». Это были многократные снимки одного и того же человека, которому предоставлялась возможность двигаться во время съемки. Таким способом сын Надара сфотографировал беседу своего отца со столетним французским химиком Шеврелем, изобретателем стеариновой свечи. К сожалению, Надар на этих снимках сидит спиной к объективу.

Как это ни странно, но фотографий самого Феликса Надара осталось очень мало. Интересный портрет был сделан за несколько месяцев до смерти.

15 апреля 1910 года петербургский журнал «Всемирная панорама» оповестил читателей: «Печальное событие облекло на днях в траур всех воздухоплавателей: в Париже скончался Феликс Турнашон, более известный под именем Надар...»

Девятнадцатое столетие имеет полное право гордиться такими людьми, как Надар. Они ни перед чем не останавливались во имя торжества науки и техники. При этом они никогда не теряли оптимизма. Не случайно роман Жюля Верна «Вокруг Луны» заканчивается замечательной сценой, где снаряд, вернувшийся из космического рейса, падает в воды океана, а когда спасательная шлюпка подходит к снаряду, из него слышны веселые голоса путешественников и бурные возгласы Мишеля Ардана: «Пустышки, Барбикен, со всех сторон — пустышки!»

Барбикен, Мишель Ардан и Николь играли в домино».

Александр Дюма-отец.

Композитор Джоаккино Россини.

Революционер-анархист Михаил Бакунин.

Герман НАГАЕВ

ВОЛШЕБНИК СКАЛЬПЕЛЯ ✽ ЧУДЕСА ТЕХНИКИ И ХИРУРГИИ ✽ БЕЗ ВРОЖДЕННОГО ТАЛАНТА НЕТ МАСТЕРСТВА: ТАК ЛИ ЭТО! ✽ КОГДА НАЧИНАЕТСЯ ГЛАВНАЯ ВЫУЧКА.

Павел Осипович Андросов не любит и даже стыдится рассказывать о себе. Но зато другие — врачи, сестры, больные, их родственники — могут рассказывать о нем бесконечно. Наслушавшись о «золотых» руках хирурга, я сам захотел посмотреть на волшебника скальпеля и попросил разрешения присутствовать на операции.

— Пожалуйста, завтра,— сказал Павел Осипович Андросов.— Кстати, посмотрите на один из новых хирургических аппаратов.

...К операции готовились тщательно, сосредоточенно. Все говорили вполголоса, понимая друг друга с полуслова. Больная Х., женщина лет шестидесяти, была врачом одной из крупных московских больниц. Она знала, что у нее рак желудка, и хотела, чтобы ее оперировал Андросов.

Когда профессор вошел в операционную, там все уже было подготовлено, и он, выслушав сообщения о состоянии больной, немедля приступил к делу.

Я заметил, что до появления Павла Осиповича у всех, кто находился в операционной,— врачей, сестер, студентов-практикантов — была какая-то скованность, напряженность и даже тревога. Но как только профессор взял в руки скальпель, как только зазвучал его чуть-чуть глуховатый, спокойный и твердый голос, все словно преобразились, почувствовали уверенность в себе, уверенность в успехе дела. Работали легко, увлеченно, вдохновенно. И ассистенту и сестрам передалось настроение профессора — они невольно перестроились на его ритм работы, ритм четкий, эластичный, отрепетированный до мельчайших движений.

Операция вначале шла молча, если не считать четких кратких «команд». Но как только Андросов убедился, что распространение опухоли уже не угрожает, он стал более разговорчивым, пояснял что-то врачам и их будущим коллегам — студентам.

А я стоял в стороне и смотрел на руки хирурга. Небольшие, но крепкие, властные, они поражали четкостью, уверенностью и скупостью движений: ничего лишнего, удивительная ловкость и красота. Так может работать только художник.

Прошло едва ли полчаса, как профессор приказал: «Приготовьте аппарат!» Подали сияющий никелем плоский небольшой предмет, похожий на французский ключ. Вот уже в лапах-зажимах проволока особого сплава. Профессор с помощью ассистента вставляет в зажим здоровую часть желудка.

— Шейте!

Ассистент повернул рычажок.

— Так, хорошо!

Ловким взмахом скальпеля Андросов отсекает половину пораженной части желудка, пневматическим высасывателем очищает его и вставляет в зажим вторую половину пораженной части желудка.

Ассистент снова повернул рычажок. Профессор повторил скальпелем тот же прием и бросил в таз отсеченную часть желудка...

Я взглянул на часы. Андросов заметил мой жест.

— Сколько, по-вашему, длилась резекция и ушивание?

— Кажется, две минуты,— смущенно сказал я.

— Да, примерно так...

Дальше работа шла в том же ритме. Профессор разговаривал с врачами, что-то объяснял, но все, до последнего шва, делал сам. Меня это несколько удивило. Я бывал на операциях у других профессоров и видел, что зашивание они обычно поручали ассистентам. Я приблизился, чтоб взглянуть, что делает сейчас Андросов. Он заметил мое любопытство.

— Операцию нужно доводить до конца. И шов не последнее дело, особенно если оперируешь женщину. Надо стараться сделать его изящным, почти незаметным. Здесь будущие врачи. Они не должны об этом забывать.

Мы вышли из операционной вместе. Я сразу взглянул на часы.

— Сколько мы работали?— спросил Андросов.

— Сорок минут!

— Это благодаря аппарату. Раньше на такую операцию уходило полтора — два часа...

Говорят, хирургом нужно родиться, как рождаются художником, поэтом, музыкантом. Без врожденного таланта нельзя достичь мастерства. Так ли это?

С таким вопросом я обратился и к Андросову. Он долго думал, потирая лоб, и вдруг весело заговорил:

— А вы знаете, я родился простым деревенским мальчишкой и, пока вырос, не слыхал о хирургии. Жили мы в глухой деревне под Курском. У отца было нас семеро. В революцию подростком вступил в комсомол, был активистом, состоял в ЧОНе, гонялся за бандами. Потом рабфак, горный институт, военная школа и неожиданно Военно-медицинская академия. Я, конечно, не помышлял о том, что стану хирургом. Новое дело вначале пугало меня, но потом заинтересовало, увлекло. Академия была прекрасной школой и давала отличную выучку. Но настоящую выучку я прошел позднее.

Андросов откашлялся, нахмурился.

— Война меня застала в Мытищах — я был главным хирургом районной больницы. Хирургическое отделение было переполнено: холод, голод, бомбежки. А я, как назло, задумал учиться, задумал пройти эту главную выучку, которую нельзя приобрести ни в какой академии. Стал после работы ездить в Москву, в Институт Склифосовского. А тогда оперировали днем и ночью... Приеду и сижу вместе со студентами, наблюдаю. Учусь. Вначале сердились на меня, гоняли, а потом привыкли, стали пускать.

Помню, попал я на операцию к профессору Борису Сергеевичу Розанову и поразился. Думаю: вот это хирург! Вот это мастер! А когда увидел в работе Юдина, прямо остолбенел от удивления. Это было наивысшее искусство хирургии! Какое-то волшебство! И вот, обойдя рано утром у себя в отделении всех больных, сделав четыре-пять операций, усталый, полуголодный, я приезжал в Институт Склифосовского и просиживал там чуть ли не до последнего поезда. Так продолжалось многие месяцы.

Однажды ночью, когда работы было особенно много, профессор Розанов подошел ко мне и говорит:

— Сегодня заболел дежурный хирург, не поможете ли нам?

Я был счастлив, услышав такое предложение. Мне поручили прооперировать одного больного. Розанов уже сделал несколько опе-

одном — оторванная рука, висящая на обрывках мышц и коже, на другом — та же рука исцеленная, действующая. И вот я беседую с одним из авторов этой книги, директором Института Склифосовского Михаилом Михайловичем Тарасовым.

— Да,— подтверждает он,— это обычный случай из нашей практики. Такие операции стали возможны благодаря созданным советскими специалистами аппаратам для сшивания кровеносных сосудов.

— Неужели пришиваете оторванную руку?

— Да, пришиваем...

— Мы видели у Андросова аппарат для сшивания желудка, его кто изобрел?

— И тот, и этот, и еще многие другие аппараты, например, для сшивания бронхов и кишок, создали советские инженеры-конструкторы в содружестве с хирургами. Профессор Андросов был одним из инициаторов этого дела. Еще в 1948 году инженер В. Гудов взялся за создание аппарата для сшивания кровеносных сосудов. Идея эта была поддержана Андросовым. Аппарат получился, хотя и был еще несовершенен, нуждался в доработке. Вскоре был организован специальный научно-исследовательский институт. Там-то и было налажено массовое производство различных хирургических аппаратов и инструментов, которые сейчас завоевали признание во многих странах мира. Профессор Андросов демонстрировал их в Америке, Японии, Египте, Финляндии. Операции, которые он выполнял с помощью этих аппаратов, вызвали сенсацию. За рубежом широко известны имена профессоров нашего института — Петрова, Арапова, Андросова.

Андросов!.. В войну, в самое трудное время, он упросил Юдина отпустить его на фронт. Уехал и так увлекся, что даже не писал в институт. Все считали, что Андросов погиб. И вдруг вернулся. Оказалось, что на фронте, в труднейших условиях эвакогоспиталя, он сделал шестьсот пятьдесят одну операцию. Я сам был главным хирургом в партизанском соединении и представляю, как это сложно.

Богатый опыт, накопленный на фронте и в нашем институте, выдвинул Андросова в ряды лучших хирургов страны. Его кандидатская и докторская диссертации открывали новые пути в некоторых отраслях полостной хирургии.

...Как-то мы разговорились с Андросовым о войне, о его работе на фронте.

— Раньше ранение в живот считалось смертельным,— заметил я,— помните, в «Хаджи Мурате» умирает солдат Авдеев?

— Теперь другое дело,— ответил Андросов.— Мне не раз удавалось спасать раненных в живот. Я уверен, что, если б Пушкин жил в наши дни, мы бы его спасли от смерти...

Уверенность в себе, в своих силах — одна из главных черт настоящего хирурга. Юдин был непоколебимо уверен в себе, когда подходил к операционному столу. Андросов следует его примеру. Но эта уверенность не апломб: за нею огромный опыт, знания, мастерство, доведенное до большого искусства. Эта уверенность покоится на огромной любви к людям, на сознании высокого долга перед обществом.

Профессор П. О. Андросов.

Фото Л. Шерстенникова.

раций, очень устал, но не пошел домой, а стал наблюдать за моей работой, готовый в случае необходимости помочь.

Я очень волновался, так как был утомлен не меньше профессора, однако работал спокойно и операцию провел успешно. Розанов подошел ко мне, пожал руку и сказал: «Не понимаю, чего вы к нам ездите. Вы же настоящий хирург!»

Я промолчал... Очевидно, он рассказал об этом случае Сергею Сергеевичу Юдину. Потому что дня через два Юдин, увидев меня, позвал к себе в операционную: «Раздевайтесь, сейчас будете оперировать». Я быстро приготовился и, получив нужные указания, приступил к делу. Юдин все время стоял рядом, наблюдал, но не сделал ни одного замечания. Когда я кончил и переоделся, он подошел ко мне и строго сказал: «Все! С завтрашнего дня будешь работать у нас в институте...» Вот тогда-то, у Юдина, для меня и началась главная, настоящая выучка.

Юдин... Юдин... Я однажды встретился с ним. Помню, мне тогда показалось, что знаменитый портрет Нестерова в Третьяковской галерее вобрал в себя главные черты этого выдающегося человека — сосредоточенность мыслителя, вдохновение поэта и руки музыканта...

Мне захотелось побольше узнать о Юдине, об Андросове, об Институте Склифосовского, который сейчас стал местом паломничества иностранных ученых-медиков. В книжке «Институт Склифосовского» я поразился двум снимкам: на

Вадим КАССИС

Пуэрто-Барриос — это Соединенные Штаты Америки, хотя порт расположен на земле Гватемалы. В лавках консервированная американская фасоль, на улицах американские автомашины. На гостинице Дель Норте намалевано: «ЮФКО». В гавани возле пирсов пришвартовались белоснежные, как чайки, океанские лайнеры. На их бортах тот же голубой символ—«ЮФКО». Старик индеец с трудом передвигает ноги. Со щита, который он несет, назойливо кричит слово «ЮФКО».

«Зеленым чудовищем» назвали латиноамериканцы «Юнайтед фрут компани». «ЮФКО»—это самый крупный торговец бананами в мире; это самый большой землевладелец, самый богатый предприниматель в Центральной Америке. «ЮФКО» диктует свою волю банановым республикам — Колумбии, Коста-Рике, Гондурасу, Доминиканской Республике, Эквадору, Сальвадору, Ямайке, Гватемале.

Годовой оборот «ЮФКО» равняется 150 миллиардам долларов. «Зеленое чудовище» распоряжается всеми видами транспорта. Оно установило монополию на радио и телеграф.

В Пуэрто-Барриос живут тысячи нищих, полуголодных рабочих. Марео Чавас — смуглолицый индеец с лицом, похожим на печеное яблоко,— тридцать лет трудится на банановой плантации. Он неграмотен и не может сказать, сколько тысяч долларов заработали его руки. Но все это оказалось в сейфах «ЮФКО».

Душным вечером, когда Марео возвращается с плантации, его ждут дома большая семья и большие заботы. Сквозь дырявую, крытую старыми кусками толя крышу просвечивает небо. Марео никогда не носил ботинок. Впрочем, в Гватемале три четверти жителей ходят босиком.

Марео сидит на пороге, поджидая своего старшего брата. А вот и он. Зенон работает машинистом на линии, которая тоже принадлежит «ЮФКО», владеющей 1 480 милями железных дорог.

Зенон умеет читать. Иногда он приносит домой газеты, из которых можно узнать интересные вещи.

— Почитаем? — спрашивает Зенон, усаживаясь рядом с Марео.

— Пока не зашло солнце,— отвечает Марео.— Коптилку зажигать не будем: керосин снова вздорожал.

И Зенон начинает:

— Есть такая комиссия при Организации Объединенных Наций, которая занимается изучением экономических вопросов в странах Латинской Америки. Вот что она сообщает в своем последнем докладе. Слушай:

«Из двухсот миллионов латиноамериканцев не менее 120 миллионов никогда в жизни не пробовали настоящей питьевой воды. Из-за отсутствия хорошей воды ежедневно умирает тысяча детей. Только за один год от голода или отсутствия надлежащих продуктов питания умирает свыше одного миллиона человек. Одна треть населения Латинской Америки живет в трущобах. 70 процентов всех жителей неграмотно».

Зенон умолкает, пристально смотрит на Марео. Морщинистое лицо брата выражает крайнюю степень усталости.

По улице, отчаянно сигналя и поднимая клубы пыли, промчалось несколько грузовиков. Над бортами кузова, уложенные рядами, возвышались зеленые бананы. Они походили на огромные копны свежескошенной травы.

...В семидесятых годах прошлого века капитан парусного фрегата Беккер покидал Ямайку с пустыми трюмами. Раздосадованный на торговую неудачу, он приобрел на рынке почти за бесценок большую партию бананов и, поставив паруса, через две недели прибыл в Бостон. Там бананы были неведомы. К счастью для Беккера, они пришлись по вкусу бостонцам.

БАНАНОВЫЙ СПРУТ

Беккер быстро сообразил, какие выгоды сулит новый товар. Он уговорил бостонского торговца Престона открыть лавочку и сбывать бананы горожанам. Сам Беккер превратился в бананового извозчика. Рейс за рейсом с полными трюмами фруктов совершал Беккер. Доходы они делили поровну и были довольны сделкой. К 1889 году они имели приличный капитал и объявили о создании «Юнайтед фрут».

Вскоре к ловким дельцам присоединился еще один — некий Кейт. Отсутствие дорог дельцов не смущало. Под видом оказания помощи Гондурасу, Никарагуа, Коста-Рике, Гватемале Кейт приступил к строительству стальных магистралей. Кейт сгонял на строительство дорог местных жителей, платил им гроши. Люди погибали почти на каждом километре. На стройках свирепствовали эпидемии холеры, дизентерии, малярии. А Кейт получал за свои «труды» от правительства земли вдоль новых железных дорог — от 250 до 500 гектаров за каждый километр дороги!

Дельцы из «ЮФКО» прокладывали дорогу к лучшим землям. Они разбивали плантации бананов и десять лет, пока не истощалась почва, вывозили с них плоды. Потом по собственному решению, не спрашивая местное правительство, разбирали пути, а рельсы и шпалы перевозили в другое место — туда, где закладывалась новая плантация.

Когда «Юнайтед фрут» расширяла свои владения в Гондурасе, она столкнулась там с неким Сэмом Зимареем. Мелкий лавочник из Нового Орлеана разбогател на том, что скупал у «ЮФКО» бананы, уже непригодные для перевозки в северные районы США. Сэм имел свой небольшой флот и успевал доставлять подпорченные фрукты в южные районы США.

Зимарей купил в Гондурасе пять тысяч гектаров земли. Но местный диктатор Мигель Давила отказался дать Сэму преимущества: концессии на железную дорогу и право не платить налоги. Зимарей не стал тратить время на переговоры. Вместе с Мануэлем Бонилья, гондурасским диктатором в изгнании, и «генералом» Ли Кристмасом шайка высадилась в Гондурасе с пулеметом, десятью ящиками ружей и за три недели захватила страну.

Сэм Зимарей умел сбрасывать одних президентов и ставить у власти других. Его боялась даже «Юнайтед фрут». А потом он продал свою фирму компании «Юнайтед фрут» за басословную сумму — 32 миллиона долларов. Продал, но с одним условием — чтобы его назначили генеральным директором компании. Так оно и случилось. С той поры в Латинской Америке бытует поговорка: «Конституции всех «банановых республик» можно уложить в одну фразу: правительство царствует, а «Юнайтед фрут» правит».

В Гватемале было официально установлено, что половину жалованья чиновников и политических деятелей платит государство, а половину — «Юнайтед фрут». Защищая интересы «Юнайтед фрут» и местных феодалов, диктатор Гватемалы Убико даже издал в 1944 году декрет за № 2795, по которому крупные землевладельцы могли безнаказанно расстреливать любого человека, осмелившегося проникнуть за ограду плантаций.

Высылайте больше бананов!

...Пошел третий год, как Джэк Питтсмэн, сын американского плантатора, агента «ЮФКО», обосновался в Пуэрто-Барриос. В Бостоне молодым представителем компании были довольны. Он оказался более поворотливым, чем старик, и более жестоким и непримиримым к индейцам. Да и сам Питтсмэн чувствовал, что вошел «во вкус». Он проводил каждое утро на плантациях, а потом разбирал бумаги в конторе.

Молодой Питтсмэн за два года успел прочитать не один десяток телеграмм своего босса, требующих увеличить вывоз бананов. А в сводках, которые Джэк отправлял в Бостон, и так говорилось, что из Центральной Америки вывозится более 100 миллионов связок бананов в год (по 6—7 долларов за связку) и 70 процентов бананов проходит через «Юнайтед фрут».

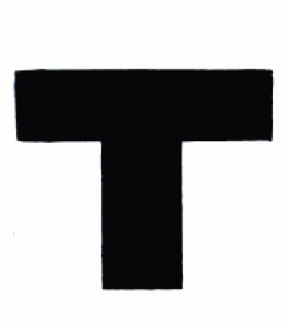
Но, видимо, Бостону и Вашингтону этого было мало. Однажды

Питтсмэн получил секретное письмо, в котором от имени президента «Юнайтед фрут» напоминалось, что управляющему следует вспомнить «план Рольстона» и извлечь из него полезные советы. Питтсмэн без особого труда отыскал в архиве нужный документ и углубился в чтение. Бумага была датирована 2 июля 1920 года и содержала инструкции по захвату чужих территорий. Они принадлежали перу одного из хозяев «ЮФКО»— Рольстона.

Параграф 1-й гласил: «Для того, чтобы наши большие жертвы и наши крупные вложения не оказались напрасными, мы должны приобрести или захватить многие территории, принадлежащие как государству, так и частным лицам, и все богатства, какие может обеспечить нам наша способность к приобретению и поглощению».

Параграф 2-й. «Мы должны способствовать обогащению нашего предприятия и максимально использовать все эксплуатируемые нами земли. В конечном итоге мы должны захватить все земли, которые мы считаем необходимыми, исходя из стратегических соображений...»

Параграф 3-й. «Необходимо воздействовать на воображение порабощенных народов, заставить их осознать наше экономическое превосходство...»

Параграф 8-й. «...Все наши помыслы должны вращаться вокруг следующих слов: власть, материальное благосостояние, трудовые лагеря и дисциплина...»

Параграф 9-й. «Мы должны внести расстройство в экономику страны, чтобы усилить ее трудности и этим самым способствовать осуществлению наших планов. Мы должны продлить трагическую, беспокойную, мятежную жизнь этого народа. Ветры должны надувать только наши паруса, а воды — смачивать кили только наших кораблей».

Прочитав, Джэк задумался: более сорока лет минуло со дня появления этой инструкции. Уже давно нет в живых ее автора — Рольстона, на смену Убико пришел к власти в Гватемале его бывший генерал Идигорас Фуэнтес, скрывавшийся до недавнего времени в Сальвадоре, а она, инструкция, все еще, оказывается, не умерла! О ней помнят там, в Бостоне, и требуют проводить в жизнь!

Питтсмэн-младший вышел за ворота усадьбы и отправился на плантацию. Палило солнце. Навстречу неслись грузовики, полные бананов. Он шел не торопясь, похлопывая стеком по лакированному голенищу сапога. Плантация начиналась сразу за небольшим озерцом. Ветер шелестел листьями растений, и взору приоткрывались тяжелые гроздья плодов. Джэк давно научился отличать виды бананов. «Гросмишель» идет на экспорт. Его плоды очень сладкие. «Гросмишель» срывают в недозревшем состоянии. Они дозревают в трюме парохода и попадают на рынок золотисто-желтого цвета. Местное население сажает для своих нужд другой вид — «райский». У этого банана крахмал в период созревания не превращается в сахар, поэтому перед употреблением в пищу его обычно отваривают.

Джэк Питтсмэн уже знает, что нередко банановые плантации гибли из-за болезней.

Но болезни бананов не главная опасность. Страшнее всего забастовки плантационных рабочих. Конечно, на стороне «ЮФКО» местные власти, церковь, армия, полиция. С 1904 по 1933 год морская пехота США 40 раз высаживалась в районе Карибского моря, чтобы «навести порядок» на плантациях. Тысячи рабочих были расстреляны из пулеметов и винтовок в Гватемале, Коста-Рике, Колумбии...

Питтсмэн останавливается, прислушивается: ветер доносит обрывки слов, крики. Обойдя озерко, он сворачивает на проселочную дорогу, ведущую к дальним угодьям. Навстречу выбегают люди. Он узнает в них шоферов с грузовиков.

— Что случилось?

— На четвертой плантации разобраны все мосты. Проехать туда невозможно.

А вечером со всех плантаций стали приходить вести одна тревожнее другой. Крестьяне нарушили телеграфную связь между населенными пунктами Ла-Гомера, Ла-Демокрасиа, Санта-Лусия и городом Эскуинтла. В департаменте Эскуинтла кто-то поджег плантации сахарного тростника. Полицейский комиссар сообщал в рапорте: «Попытки приостановить бунты крестьян своими силами пока не привели к успеху. Будем надеяться на подкрепление. Да поможет нам бог!»

На пороховой бочке

В борьбу против гватемальского диктатора Идигораса Фуэнтеса включались все новые слои населения страны. Они требовали отставки продажного правительства, проведения земельной реформы, ухода североамериканских монополий, и в частности «Юнайтед фрут». По телеграфным проводам бежали новости: «В стране созданы очаги партизанского движения», «...объявили политическую забастовку учащиеся школ. К ним присоединились студенты, рабочие, служащие...».

Холодный пот выступил на лбу Питтсмэна. Комкая в руках телеграфную ленту, он бросился в машину. Подтянутый черноусый комиссар выскочил из белокаменного домика, взял под козырек.

— Разрешите доложить, сэр, забастовали железнодорожники. Пуэрто-Барриос отрезан от Гватемалы. Зачинщик обнаружен и арестован.

— Как его имя?

— Машинист Зенон. Брат одного из рабочих с ваших плантаций.

Ночью Питтсмэн лихорадочно писал секретное донесение: «Мы где-то просчитались. В этой стране больше нельзя руководствоваться старыми планами Рольстона. Народ ненавидит нынешнее правительство, ненавидит «Юнайтед фрут» и вместе с ней нас, американцев. Надо быть более гибкими в нашей политике на чужих территориях, если мы не хотим потерять их совсем... Поймите: мы здесь сидим не на бананах, а на пороховой бочке...»

А в это время на окраине Пуэрто-Барриос, на пустыре за дощатыми бараками, собрались рабочие банановых плантаций. Их было около трехсот человек. Люди стояли молча, со сжатыми кулаками и слушали Марео.

— Вчера полиция схватила моего брата. Сто железнодорожников отправлены из нашего города в столицу. Их должны судить. Но за что? За то, что они хотят лучшей жизни, за то, что они ненавидят «зеленое чудовище»! — Марео стоял на груде старых ящиков. Люди ловили каждое его слово.— Я не умею читать и писать. Есть ли хоть один грамотный среди вас, друзья?

Пустырь молчал. Рабочие не шелохнулись. Марео обвел всех глазами.

— Два дня назад эту газету мне показал мой брат Зенон. Вот она, смотрите!— Марео поднял высоко над головой газетный листок.— Зенон прочитал мне из нее только одну заметку. Я запомнил ее на всю жизнь и хочу, чтобы все вы запомнили. Слушайте же, я расскажу вам, что пишет «Пренса либра»!

«Зеленое чудовище» согнало с земли сотни крестьянских семей. В деревне Уатсисиль некоторые крестьяне пытались оказать сопротивление. За это их бросили в тюрьму. Многие жители ослепли, заболели туберкулезом из-за сильных побоев. В крестьянской общине Эль-Семильеро 220 семейств были насильственно изгнаны из хижин. В Мадре-Вьека 50 семей остались без земли, посевов, скота и жилья. Многие убиты.

...Наши с вами братья, выселенные по приказу «ЮФКО» из хижин муниципального округа Тикисате, насильственно загнаны чиновниками и солдатами в болотистую местность на морском побережье. Там они живут в чудовищной нищете, без крова над головой. Я спрашиваю вас, друзья, где же справедливость? Мы должны стать на защиту наших братьев!

И толпа ответила, подняв вверх сжатые кулаки. Марео почувствовал, как кровь прилила к лицу, застучала в висках.

— Поклянемся отомстить за наших товарищей!— глухо выкрикнул он.

И снова лес рук, сжатые кулаки, суровые, словно высеченные из камня, лица.

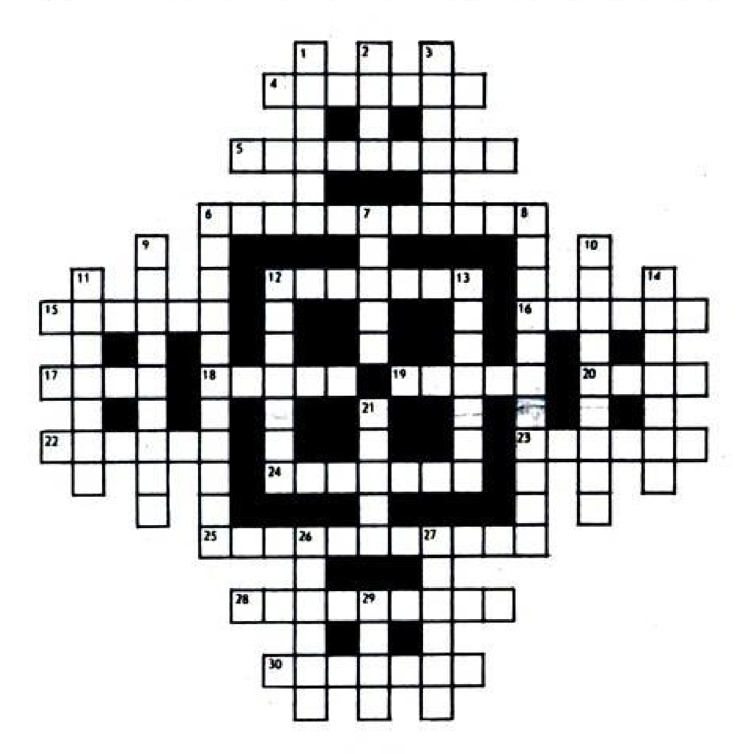
Марео спрыгнул с груды ящиков и смешался с толпой.

Рабочие расходились по баракам. Луна уже исчезла, освободив место для солнца, которое медленно поднималось из пурпурных вод Карибского моря.

Рисунки В. Черникова.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Один из Курильских островов. 5. Звездная система, в состав которой входит Солнце. 6. Взаимосвязь, согласование. 12. Английский писатель. 15. Красящее вещество. 16. Специальность рабочего. 17. Советская немагнитная шхуна. 18. Красная утка. 19. Искусственный драгоценный камень. 20. Газ. 22. Передвижной цирк. 23. Материк. 24. Сборник поэтических произведений Т. Г. Шевченко. 25. Актер, ведущий концертно-эстрадное представление. 28. Река в Якутской АССР. 30. Спортивный коллектив.

По вертикали:

1. Коробка для хранения вещей. 2. Кредитно-финансовое учреждение. 3. Одно из трех измерений. 6. Порт Каспийского моря. 7. Русский сатирический журнал XIX века. 8. Наука о языке. 9. Ягода. 10. Комедия Мольера. 11. Вереница судов. 12. Громкоговоритель. 13. Народный музыкальный инструмент. 14. Рассказ А. П. Чехова. 21. Газетно-журнальный жанр. 26. Вид керамики. 27. Штат в США. 29. Однодольное растение.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 28

По горизонтали:

4. Ростропович. 5. Куропатка. 10. Сомали. 11. Арахис. 13. Альпы. 19. Лебедка. 20. Рефлекс. 21. Беседка. 22. Рулетка. 24. Фронтон. 26. Фауна. 28. Каскад. 30. Графит. 31. Патронташ. 32. Циолковский.

По вертикали:

1. Уссури. 2. Роспись. 3. Свекла. 6. «Колыбельная». 7. Парад. 8. Вагиф. 9. Диссертация. 12. Солярий. 14. Лексика. 15. Прудкин. 16. Косинус. 17. Чабан. 18. Графа. 23. Точка. 25. Обрат. 27. Ужгород. 29. Дракон. 30. Гранка.

На первой странице обложки: Сергей Тимофеевич Коненков.

Фото Дм. Бальтерманца.

На последней странице обложки: Дождь...

Фото Б. Иванова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются. Оформление Е. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00711. Подписано к печати 8/VII 1964 г. Формат бум. $70\times108^{1}/_{16}$. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 960 000. Изд. № 1151. Заказ № 1787.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Откровенные ребята

Есть орловские частушки
И частушки вятские,
Есть частушки костромские,
Есть и ярославские...

Всякие есть частушки. И те, кто слышал, как поют их по деревням, залихватски-озорно, не боясь употребить соленое словцо, наверное, на себе почувствовали их заразительную силу.

Ездил по Ярославщине несколько лет назад с агитбригадой ученик музыкального училища Алинард Вихрев. После концертов бежал с тетрадной и карандашом на посиделки, записывал частушки. Верил — на будущее пригодится.

И вот однажды вышли на сцену Дома культуры Ярославского шинного завода ребята с балалайками и запели частушки.

Сразу же заинтересовало: сидят на сцене с видом совершенно невозмутимым, бренчат на балалайке как будто нехотя, а в словах такая задиристость, что зрители от смеха покатываются.

Первые частушки были на музыку А. Аверкина, начинались словами: «Откровенные ребята, первым делом известим...».

С той поры стали называть частушечников «откровенные ребята».

Вихрев сначала был только участником коллектива, репертуар подбирал, а потом сам стал складывать частушки.

Вот на нашей фотографии все они втроем: Балашов Юрий, Епифанов — тоже Юрий, а с баяном — Алинард Вихрев. «Ребята» работают на шинном заводе — один трактористом, второй слесарем...

Часто приходят письма в заводской клуб, адресованные «ребятам». Это их специальные корреспонденты подают «сигналы», а иногда и требуют, чтобы прохватили они какие-либо недостатки, недочеты в производстве или в быту.

Ярославская телестудия «откровенных ребят» тоже не забывает: они непременные участники многих концертов.

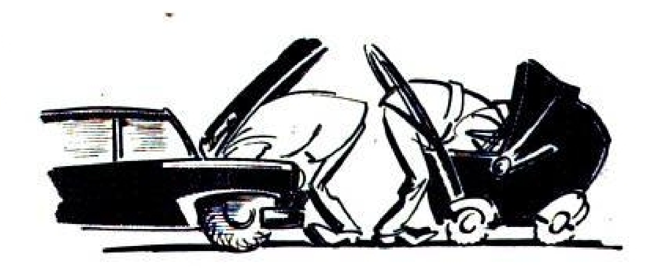
Для одних частушки — радость,
Для других частушки — грусть.
А кому не в грусть, не в радость,
Те на ус мотают пусть.

А на днях получили «откровенные ребята» письмо из Кении, от директора театрального агентства Восточной Африки, с просьбой приехать на гастроли. «Коллектив широко известен в Африке», — сказано в письме.

Несколько месяцев назад в «Дейли Уоркер» появилась заметка, что «откровенные ребята» избраны почетными членами «Коверн клуба». И фотография помещена — снимок сделан, по-видимому, во время большого концерта в Кремлевском Дворце съездов.

Л. ФЕДОРОВА

Фото Ф. Ливитина.

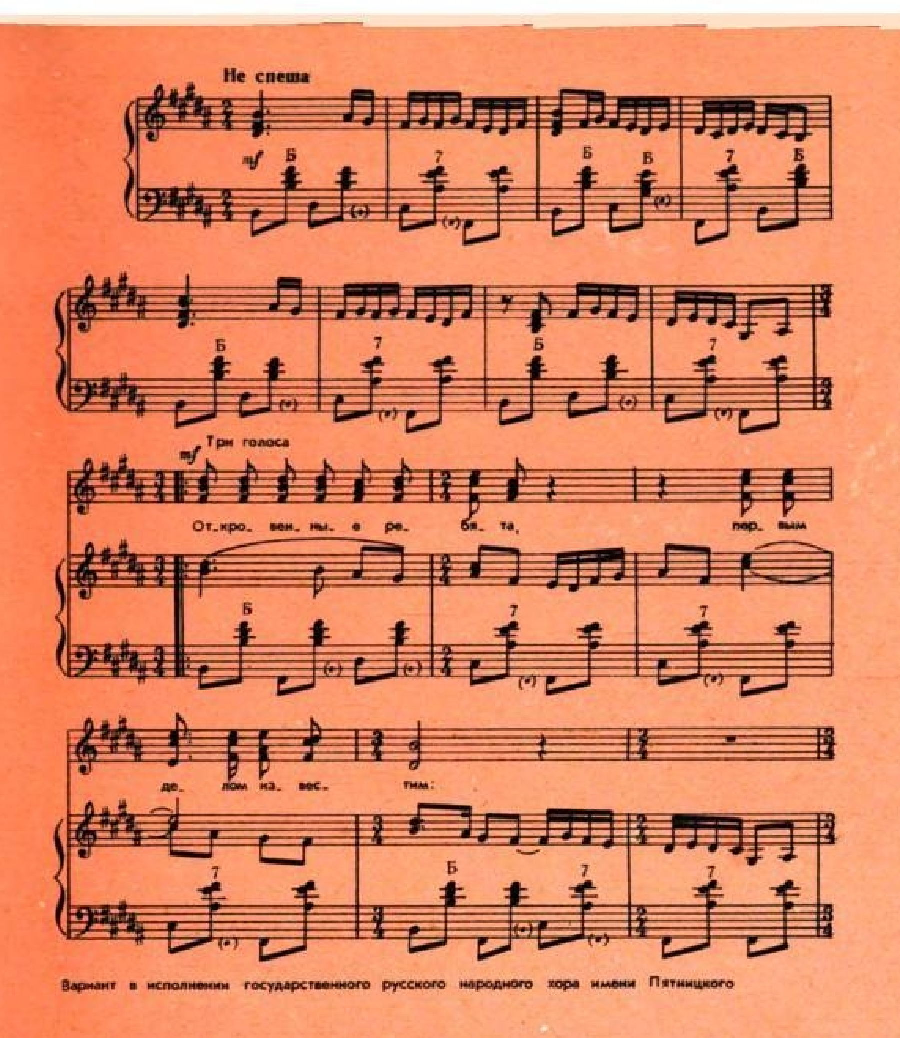
Каждому свое.

Рисунок В. Черникова.

— Дед Мазай! Сначала нас, а потом зайцев...

Рисунок В. Воеводина.

Мы все тро-е не же-на-ты,
Ой, и нам скуч-но хо-лос-тым!
Для повторения
Для окончания

Вариант в исполнении государственного русского народного хора имени Пятницкого

КОСМИЧЕСКИЕ ЧАСТУШКИ

Музыка А. АВЕРКИНА.

Слова А. ВИХРЕВА.

Откровенные ребята,
Первым делом известим:
Мы все трое не женаты,
Ой, и нам скучно, холостым!

Откровенные ребята,
Не умеем мы тужить.
Без частушек-прибауток,
Ой, нам и суток не прожить!

Откровенные ребята,
Мы известны вам втроем.
На космические темы
Мы частушки пропоем.

Первым брал нас брат Гагарин —
С ним всегда мы хоть в огонь.
Только тут беда случилась:
Ой, девки свистнули гармонь.

Вместо Германа Титова
Предлагали нам лететь.
Мы уж, было, согласились,
Ой, да частушки надо петь.

Николаев и Попович
Будут долго сожалеть.
Вместо радиосигналов
Ой, мы б частушки стали петь.

Валентина Терешкова,
Землякам давай ответ,
Ни за что нам подорвала,
Ой, наш мужской авторитет.

В небе снова спутник новый
Удивляет мир сейчас.
Интересно, как он может,
Ой, маневрировать без нас?

У Быковского в ракете
Примостились мы в хвосте,
Но а хвост-то отделился,
Ой, на двенадцатой версте.

Лучше дайте нам ракету,
Заявляем все втроем,
А не то на той неделе
На Луну махнем пешком.

— Все тренируешься?
— Нет! Укачиваю...
Рисунок И. Сычева.

А в соседней пещере изобрели консервный нож.
Рисунки Г. и В. Караваевых.

— Хорошо, что мы купили эту вазу: теперь тебе удобно заниматься своей фотографией.

Цена номера 30 коп. Индекс 70663.